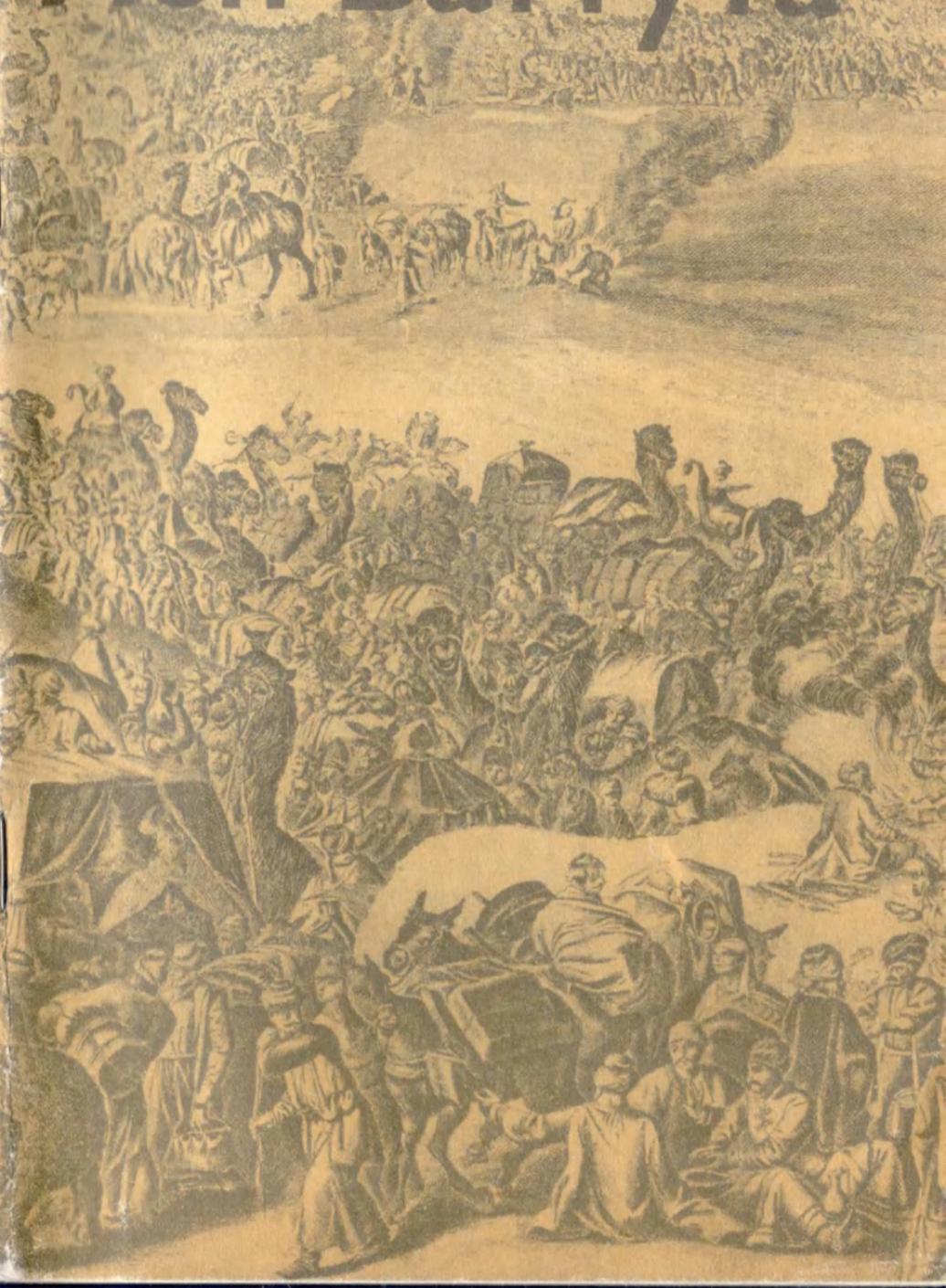

Ибн Баттута

Г. Мирославский

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Ибн Баттута

Г. Милославский

Издательство «Мысль»
Москва
1974

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художник А. КУЗНЕЦОВ

М $\frac{20801-252}{004(01)-74}$ 182-74

© Издательство «Мысль». 1974

При дворе фесского султана

В предгорьях Среднего Атласа, в северной части Марокко, раскинулась живописная долина реки Вади Фес. Апельсиновые и масличные рощи окружают величественные стены древнего Феса, разделенного водами реки на две части. Правоверные мусульмане считают его самым священным городом после «матери городов» Мекки. Недаром здесь и сейчас более сотни мечетей, а в начале XIII века их было 785. Одна из них — Каравийин — известна по всему Востоку своей богословской школой и громадной библиотекой, содержащей множество ценнейших рукописей.

В средние века Фес был одним из крупнейших религиозных и политических центров страны. Население его тогда достигало 400 тысяч человек (сейчас — около 300 тысяч). Расположенный на пересечении важнейших торговых путей, ведущих с побережья Средиземного моря в глубь Африки, в Алжир, Египет, на Нигер, город не раз привлекал взоры правителей Марокко. Сменяли друг друга династии, разгорались и утихали кровопролитные войны, мусульманские правители отвоевывали друг у

друга богатые города и делали их своими столицами. И часто столицей средневековых государств Западного Магриба (территория современного Марокко) становился Фес.

В XIII веке власть в Марокко захватила династия Маринидов. Эпоха их правления, в особенности время султана Абу Инана (1348—1358), отмечена культурным расцветом Магриба. Великолепные памятники архитектуры, и по сей день поражающие своей красотой всех, кто приезжает сюда, свидетельствуют о высоком художественном мастерстве их создателей.

Абу Инан сделал Фес культурным центром не только Марокко, но, пожалуй, и всего Магриба. По его приказу строили новые дворцы; их украшали искуснейшие мастера того времени. Султан покровительствовал развитию науки, литературы и искусства. Он собрал при своем дворе много известных ученых, писателей и поэтов. Общее настроение, предшествующее начавшемуся вскоре культурному упадку страны, ярко выразилось в литературном творчестве того времени, в особенности в стихах замечательного историка и поэта Ибн ал-Хатиба¹, бывшего визиря гранадских эмиров, а теперь одного из придворных Абу Инана. При фесском дворе жил и Ибн Халдун², которого много столетий спустя стали называть «первым социологом». Ни один более или менее примечательный человек, появившийся в стране, не ускользал от внимания султана.

В 1349 году в Фесе появился некий шейх Абу Абдаллах Ибн Баттута. Этот спокойный, немного мечтательный человек рассказывал удивительные вещи. Двадцать четыре года назад двадцатидвухлетним юношей он покинул свой родной город Танжер, отправившись в далекое путешествие. Почти за четверть века странствий он четыре раза совершал паломничество к святым местам в Мекке (далеко не всем удавалось побывать на родине пророка Мухаммеда хоть раз, а те, кому выпадало такое счастье, становились людьми весьма уважаемыми), плавал в страну зинджей— Восточную Африку, побывал в Константинополе, в древнем Дамаске. Рассказывал он и о далеких северных странах, где зимой выпадает много снега и ночи становятся длиннее, чем дни. Много диковинного видел Абу Абдаллах в сказочной Индии и в стране

¹ Примечания см. в конце книги.

Китай, расположенной где-то на самом краю обитаемой земли. Слушали его все с большим вниманием. Некоторая склонность принимать на веру услышанное в дальних странах и к несколько фантастическим подробностям придавали его рассказам особую привлекательность для слушателей. Правда, его сообщения иной раз вызывали скептическую улыбку фесских ученых мужей — иногда непохожи они были на то, что говорилось в трудах столпов науки. Клавдий Птолемей³ и ал-Масуди⁴, жившие много столетий назад, несомненно были более сведущи в географии, нежели этот шейх. Хотя сами они не бывали в большинстве стран, о которых говорил Ибн Баттута, но их научный авторитет был общепризнан, на их трудах зиждилась наука. А науки были в большом почете в те времена, ибо, как гласит арабская пословица, «эмиры властвуют над людьми, а ученые — над эмирами».

Но так или иначе, а шейх Абу Абдаллах действительно повидал немало. Кроме того, если его знания в географии основывались на личном опыте (с трудами ученых географов он был, увы, мало знаком), то в мусульманском богословии и в вопросах права он обнаруживал незаурядные познания. А познаниями именно в этих областях необходимо было обладать, чтобы прослыть человеком ученым и заслужить уважение и авторитет у современников.

Авторитет Ибн Баттута действительно вскоре приобрел. Человек этот, несомненно, заинтересовал султана Абу Инана. Конечно же, его присутствие при дворе могло очень оживить собрания ученых мужей и литераторов, которые часто устраивал султан. Вряд ли кто из мусульманских владык может похвастаться тем, что у него на службе находится человек, объехавший без малого весь мир.

Кроме того, этот шейх и факих (знаток мусульманского права) имеет большой опыт в дипломатии: повелитель Золотой Орды посылал его с важной миссией в Константинополь, несколько лет он служил при дворах индийских государей, направлялся в Китай по поручению делийского султана. Да, этот человек непременно должен служить у фесского султана Абу Инана. Уже вскоре после прибытия в Фес Ибн Баттута был с большим почетом принят султаном на службу.

Несколько лет спустя летописец так скажет об этом событии:

«И среди тех, кто прибыл к высоким вратам Феса и перешел по лужам стран к его вздымающемуся морю, был шейх, факих, путешественник надежный, правдивый, проехавший земли, пронизавший климаты вдоль и вширь, Абу Абдаллах Мухаммед, известный как Ибн Баттута, славный в странах Востока как Шамс ад-дин («Солнце веры»). Он обошел землю, поучаясь, и прошел по городам, испытывая; он исследовал разделения народов и углублялся в деяния арабов и иноземцев. Затем он водрузил посох скитаний в этой высокой столице»⁵.

«Ненасытными бывают двое — стремящийся к знанию и стремящийся к богатству». Ибн Баттута относится к числу первых. Мысль о том, что на свете оставались еще не виденные им мусульманские страны (именно мусульманские — он был ревностным последователем учения Мухаммеда), не давала ему покоя. Спустя менее года после прибытия в Фес он снова отправляется в путь. Как случилось и прежде, маршрут его обусловлен дипломатической миссией. Цель его — знаменитый и некогда могущественный город Гранада, столица последних арабских владений в Испании.

В середине VII века арабы, объединившись под знаменем новой религии ислама, устремились из пустынь и оазисов Аравии в новые земли. Результатом их завоевательных походов было образование громадного государства, территория которого простиралась от Атлантического океана на западе до границ Китая на востоке. Арабы проникли также и в Европу, заняв Пиренейский полуостров. На территории современной Испании образовалось арабское государство, просуществовавшее несколько столетий.

В XIII веке Гранада выделилась в самостоятельное государство и охватывала провинции Южной Испании. Во время путешествия Ибн Баттуты (1351 г.) Гранадское королевство объединяло значительную территорию, на которой насчитывалось более тридцати крупных городов и около ста малых. В городах процветала шелкоткацкая промышленность, было широко распространено ювелирное дело и производство различных металлических изделий.

Хотя страной и правили преимущественно государи немощные и безвластные, в XIV веке она переживала период бурного и напряженного интеллектуального подъема, наиболее ярко проявившегося в Гранаде, Малаге и

Альмерии. Именно в это время создавались непревзойденные шедевры мавританского искусства Альхамбра и Хенералиф. Целая плеяда замечательных писателей и поэтов, и среди них знакомый нам уже Ибн ал-Хатиб, создавали прекрасные образцы арабской литературы, которыми восхищались все последующие поколения.

Первым андалусским городом, который увидел Ибн Баттута, был Гибралтар. Арабы называли его Джебель ал-Фатх (Гора победы). Здесь, вступив на земли Пиренейского полуострова в 711 году, арабы построили крепость. Современное название города является европейским искажением слов Джебель ат-Тарик, гора Тарика (по имени арабского военачальника). Оба названия, Джебель ал-Фатх и Джебель ат-Тарик, тогда уже существовали, но Ибн Баттуте было известно только первое.

Из Гибралтара путь Ибн Баттуты лежал через Ронду и Малагу в Гранаду. Здесь он, вероятно впервые, встретился с писателем Мухаммедом Ибн Джузайя⁶, который несколькими годами позже стал его литературным редактором, записав рассказы о многолетних странствиях.

Гранада была очень крупным по тому времени городом. Она раскинулась в живописной местности при слиянии рек Даро и Хениль, недалеко от снеговых вершин Сьерра-Невады, среди многочисленных садов и виноградников. Население Гранады достигало 400 тысяч человек. Внешний облик города был типично мавританским: скученные дома без окон на улицу, с внутренними двориками и фонтанами, обилие дворцов и мечетей, различных учебных заведений. Гранаду окружала мощная крепостная стена, насчитывавшая более тысячи башен.

На вершине холма, господствующего над городом с юго-востока, возвышается ансамбль зданий, обнесенных стеной с башнями. Благодаря цвету кирпича, из которого сложены строения, весь комплекс назвали «ал-медина ал-хамра» — «красный город» (европейское Альхамбра, или Альгамбра). Еще в IX веке в западной части холма была воздвигнута крепость. Четыре столетия спустя правитель страны Мухаммед перенес в эту крепость свою резиденцию. А еще через полвека один из его преемников, Абу-ль-Валид Исмаил, построил здесь дворец. Этот дворец незадолго перед приездом Ибн Баттуты был разрушен, и начато строительство нового, получившего позже название Дворца миртового двора.

Внимательный осмотр Альхамбры позволяет проследить, как постепенно менялась не только культурная жизнь страны, но и ее экономическое и политическое положение. Ранние постройки скромны, как скромны были размеры и силы государства. С ростом могущества правителей Гранады появляются все более и более величественные дворцы.

Свое путешествие в Испанию Ибн Баттута описывает очень кратко, почти не сообщая подробностей о пребывании в этой стране. Оно явилось всего лишь небольшим эпизодом в его странствиях по белу свету. Эта краткость объясняется, видимо, и тем, что в средневековом Марокко были хорошо знакомы с жизнью Андалусии и не было необходимости детально ее описывать. Выполнив возложенную на него миссию, подробности которой остались неизвестными, наш путешественник благополучно возвратился в Фес.

«Нил черных»

К XIV веку влияние ислама было уже достаточно значительным в странах Западной Африки, расположенных южнее Сахары. Мусульманские купцы Египта, Туниса и Марокко вели обширную торговлю со странами бассейна Нигера, о сказочных богатствах которых ходили легенды. Особенно славился город Томбукту. Несколько столетий спустя путешественник Мунго Парк¹ писал, что Томбукту — это «рынок золота, добываемого народом мандинго, откуда оно куницами из Туниса, Триполи, Фецана и Марокко доставляется на север Африки»².

О возможностях расширения торговли с западноафриканскими странами пожелал разузнать Абу Инан. И выполнить это пожелание должен был Ибн Баттута.

«Ни один сосуд не вмещает больше собственного объема, кроме сосуда знаний — он постоянно расширяется» — гласит арабская пословица. 18 февраля 1352 года Ибн Баттута оставил Фес, чтобы совершить последнее свое путешествие.

Первым важным пунктом на пути к Нигеру был город Сиджилмаса, цветущая столица оазиса Тафилалет. Расположенный на краю величайшей пустыни мира Сахары, в трехстах километрах южнее Феса, город был в средние века крупнейшим торговым центром, не уступавшим Фесу или Марракешу. Поселение, вероятно, существ-

вовало здесь еще в античное время, но было разрушено и отстроено заново уже арабами. Ал-Бакри сообщает, что город основан в 757 году³.

Триста километров пути от Феса до Тафилалета пролегают сначала через горы Высокого Атласа, а затем по безлюдной каменистой пустыне. Особое своеобразие пустыне придают возвышающиеся там и сям многочисленные столбообразные холмы с отвесными краями. Местные жители называют их «гара». Дорога в Тафилалет на большом протяжении тянется вдоль сухого русла реки (вади) Герис. Оазис, протянувшийся на много километров, питают воды двух рек — пересыхающей Герис и Уэд-Зиз. Недостаток воды вынудил людей строить хитроумные ирригационные сооружения. По всему оазису разбросаны длинные ряды холмов. На вершине каждого из них шахта, на ее дне вода. В некоторых местах на склонах гор грунтовые воды подходят близко к поверхности. Чтобы доставить эту воду в оазис были прорыты целые сети подземных каналов, называемых здесь хеттарами. Рыли их чернокожие рабы, вывезенные из внутренних областей Африки. Отсутствие необходимых технических средств не позволяло прорыть достаточно длинный подземный канал. Поэтому в земле делали на небольшом расстоянии друг от друга лазы и копали от лаза к лазу. Через них выбрасывали на поверхность грунт, а позже их стали использовать для чистки каналов. Хеттары образуют широко разветвленную систему с одним магистральным и множеством периферийных каналов, подходящих к населенным пунктам.

Любопытно, что в Сиджилмесе Ибн Баттута гостил несколько дней у некоего ал-Бушри, с братом которого, уроженцем марокканского города Сеуты, он встречался в Китае. Этот факт имеет чрезвычайно важное значение с двух точек зрения.

Во-первых, он служит значительным аргументом против взглядов некоторых современных ученых, которые подвергают сомнению само путешествие Ибн Баттуты в Китай, а считают описание последнего всего лишь компиляцией⁴. Как справедливо замечает И. Ю. Крачковский⁵, «трудно предположить, чтобы, не побывав в Китае, Ибн Баттута решился упомянуть, что в Китае он встретил одного называемого по имени уроженца Сеуты, а в Западном Судане — его брата»⁶. И действительно, вряд ли Ибн Баттута стал бы упоминать о людях, которые

были в то время живы и хорошо известны многим в Марокко.

Во-вторых, это сообщение лишней раз обращает внимание на необычайную предприимчивость арабских купцов. Поскольку сам Ибн Баттута говорит об этих двух встречах как об обыденном, бытовом эпизоде, можно предположить, что это действительно не было чем-то необычным для того времени⁷. Указания средневековых авторов (в первую очередь Ибн Баттуты) и новейшие археологические раскопки свидетельствуют о том, что в западноафриканских городах существовали обширные колонии выходцев из Северной Африки. Среди них большую часть составляли купцы и мусульманские законоведы, немало было и разных искателей приключений, авантюристов.

Прежде чем достичь берегов Нигера, Ибн Баттута прошел еще через несколько оазисов, расположенных в самом сердце Сахары, и дал их подробное описание. В оазисе Тегазза в XIV веке находились крупнейшие разработки каменной соли, которая служила предметом обмена на различные местные товары в городах Южной Сахары. Ибн Баттута отмечает, что на плиты каменной соли в оазисе Валата и Томбукту можно выменять хлопчатобумажные ткани и даже зерно. Даже дома в поселке Тегаззе, по сообщениям Ибн Баттуты, были построены из кусков каменной соли и только сверху обшивались верблюжьими шкурами. Добывали соль прямо из-под небольшого слоя песка. Каждый вырубленный кусок весил настолько много, что верблюд одновременно мог поднять не более двух таких кусков.

До города Мелли (Мали) оставалось уже совсем немного — двадцать четыре дня быстрой езды. Ибн Баттута отправился в путь уже без каравана, так как дорога здесь считалась достаточно безопасной. По всему пути встречались могучие столетние деревья, в тени которых мог бы укрыться от зноя целый караван. Путнику в этих местах можно было не заботиться о запасах провизии и даже о деньгах. Достаточно иметь кусок каменной соли или стеклянные украшения, чтобы в обмен на них в любой деревне можно было получить вдоволь всяких продуктов: проса, кислого молока, кур, муки из лотоса, муки из бобов.

Государство Мали, в которое прибыл Ибн Баттута, было основано западносуданским народом мадинке.

Первоначально оно являлось вассалом одного из древнейших государств Африки — Ганы, но с XIII века стало самостоятельным и крупнейшим во всем Западном Судане. Столетием позже оно занимало довольно значительную территорию в бассейне Нигера.

По описанию арабского географа XVI века Льва Африканца⁸, «Мали тянется вдоль рукава Нигера на расстоянии, может быть, 300 миль. Оно граничит с Дженне на севере и пустыней с бесплодными горами на юге. В качестве западной границы имеет дикие леса, а на востоке оно граничит с территорией Гаго. В этой стране есть очень крупный поселок, насчитывающий 6000 очагов. Он носит название Мелли. Страна изобилует зерном, мясом и хлопком»⁹.

Внимание Ибн Баттуты привлекли «порядок и законность», царившие тогда в Мали. «Местные жители,— пишет он, — питают больше, чем другие народы, отвращение к несправедливости. Даже за малейшую несправедливость султан их не дает пощадить никому». Путник здесь мог не опасаться за свою жизнь или имущество. Даже деньги и вещи иностранца, умершего в Мали, сохраняли до тех пор, пока не появятся его наследники.

Большой интерес для современных исследователей представляет рассказ Ибн Баттуты о заговоре одной из жен правителя Мали: «Во время моего пребывания в Мали случилось, что султан разгневался на свою главную жену...по имени Каса. Согласно обычаю, она принимала участие в управлении государством наравне с самим царем... Ежедневно Каса выезжала верхом в сопровождении невольниц и рабынь и останавливалась у здания совета... Султан собрал эмиров и дуга (высшее должностное лицо), сказал им, что Каса совершила великий грех. Затем привели одну из ее невольниц, связанную и с колodкой на шее... Она рассказала, что Каса послала ее к двоюродному брату султана, бежавшему из страны, и велела передать ее приказ свергнуть султана с престола, говорила, что все войска встанут на его сторону. Услышав это, эмиры сказали: «Это великое преступление, заслуживающее смертной казни»¹⁰.

В стране было много ремесленников и торговцев, как местных, так и иностранных. Уже тогда ислам пустил в Мали глубокие корни: путешественники отмечают наличие множества мечетей, священнослужителей и учителей, преподававших в мусульманских школах. Лев Африканец

сообщает, что жители Мали первыми из народов «черной Африки» приняли религию Мухаммеда и к его времени, то есть к XVI веку, являлись «наиболее цивилизованным народом среди всех черных»¹¹.

В «сердце Африки, город чудес Томбукту» Ибн Баттута прибыл 28 июля 1352 года. Именно ему принадлежит первое упоминание об этом городе¹². Томбукту был основан в XI—XII веках и к XIV столетию стал одним из центров мусульманской культуры и торговли. Он изобилует многочисленными лавками торговцев и ремесленников, особенно ткачей, изготавливавших хлопчатобумажные ткани. Доходили до Томбукту и европейские ткани, которые доставляли североафриканские купцы. В то время европейцы уже располагали некоторыми сведениями о внутренних областях Западной Африки, в особенности о районах, богатых золотом. В 1320 году Венеция заключила договор с правителем Туниса, согласно которому разрешался свободный проезд христианских купцов через тунисские земли в страны «черной Африки». Аналогичный договор заключила Каталония с султаном Тлемсена в 1339 году. Видимо, благодаря известиям европейских купцов, а отчасти и арабских, на замечательной Каталонской карте мира 1375 года появились страны Западного Судана.

Как и в других районах, посещенных Ибн Баттутой, в Томбукту сильно ощущался недостаток соли. Ее привозили из Тегаззы, то есть почти за 500 миль. По свидетельству Льва Африканца, четыре бруска соли стоили в Томбукту 80 дукатов¹³. Вместо чеканных монет здесь ходили мелкие раковины каури, а для крупных сделок — слитки золота. Четыре сотни каури приравнивались к одному дукату. Раковины доставляли сюда с Мальдивских островов.

В Томбукту Ибн Баттута пробыл семь месяцев и 27 февраля 1353 года в обществе молодого купца Йакуба ибн Абу Бекра отправился в город Мимах, стоявший на большом канале, ответвлявшемся от Нигера, а оттуда в Гао. Ехать пришлось на верблюдах, ибо лошади здесь были очень дороги. Переправившись ночью (днем переправа невозможна из-за несметного количества москитов) через Нигер, путники достигли города Гао (Каукау у Ибн Баттуты), бывшей столицы Сонгайского царства, захваченного в 1325 году правителем Мали.

Гао был одним из крупнейших и, по свидетельству

Ибн Баттуты, красивейших городов Мали. Там было вдоволь всякого продовольствия. Как и в Мали, денежной единицей служили маленькие раковины каури. Недалеко от Гао добывали медную руду, а выплавку ее производили прямо в домах, причем эту работу выполняли рабы не только мужского, но и женского пола. Из меди отливали длинные бруски различного размера, которые наравне с раковинами служили единицей обмена. На тонкие бруски можно было купить дрова, мясо, на толстые — масло, сыр, просо и даже раба или рабыню.

Рассказ Ибн Баттуты о пребывании в Мали изобилует многочисленными сообщениями о положении рабов и различных формах использования их труда. Рабы являлись основным транспортным средством, выполняя функции носильщиков, сопровождавших своих хозяев¹⁴, правитель Мали и его наместники дарили рабов своим подданным в знак особого расположения¹⁵. Из рабов формировалась личная охрана правителя, находившаяся на привилегированном положении. Рабский труд широко использовался на соляных и медных разработках. Особую роль при дворе играли военачальники личной охраны, составлявшие особую общественную группу. Хотя они и оставались в определенной мере зависимыми и неполноправными людьми, некоторым из них удавалось занять весьма высокие государственные должности и приобрести значительное влияние. Они составляли своеобразную рабскую аристократию при дворе. По-видимому, именно к этой группе относился сановник, которого Ибн Баттута называет дуга. Он пользовался столь большим влиянием, что все прочие чиновники и даже сам правитель считали необходимым преподносить ему всевозможные ценные подарки¹⁶. Среди других придворных он выделялся особенно роскошным одеянием. Во время приемов гости могли обращаться к правителю только лишь через дуга. Видимо, из-за этого Ибн Баттута и называет его «переводчиком»¹⁷. Он, видимо, осуществлял также и функции судьи в особо ответственных случаях, как это можно предположить из рассказа о заговоре Касы.

Прожив месяц в Гао, Ибн Баттута отправился с большим караваном в Такадду; оттуда, купив двух нагруженных солью верблюдов и запасшись продуктами на два месяца пути, 12 сентября 1353 года он предпринял путешествие в Сиджилмасу через нагорье Ахагар. Обратный путь — наиболее трудно доступными районами Сахары,

да еще в холодные зимние месяцы, оказался чрезвычайно тяжелым. «Во время своих странствий,— пишет Ибн Баттута,— я видел много снега в Бухаре, Самарканде, Хорасане и в Стране турок, но никогда мне не приходилось проделывать более неприятного путешествия, нежели это».

В начале 1354 года наш неутомимый странник вернулся в Фес, завершив таким образом последнее из своих путешествий.

Паломник

На африканском берегу Гибралтарского пролива расположился город Танжер, история которого уходит в глубь веков на несколько тысячелетий. В древности здесь был один из крупнейших портов, принадлежавший знаменитым мореплавателям — финикийцам. Само название города, происходящее от семитского слова «тигисис» — гавань, напоминает о его неразрывной связи с морем. На протяжении многих веков через Танжер проходили важнейшие торговые пути, связывавшие страны Средиземноморья с внутренними районами Африки. В средние века, уже под арабским владычеством, город продолжал играть роль торгового центра.

В Танжере родился (24 февраля 1304 года)¹ и провел свои юные годы Ибн Баттута. Сведений о его детских и юношеских годах не сохранилось. Единственный источник — его книга «Путешествий»² — сообщает нам отдельные, весьма скудные биографические сведения. Прежде всего полное имя Ибн Баттуты — Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Танджи, как и все арабские имена, содержит ряд указаний на происхождение его владельца. Имя нашего автора — Мухаммед широко распространенное во всех мусульманских странах; Абу Абдаллах — это так называемая кунья, даваемая по имени сына; Ибн Абдаллах значит, что отца Баттуты также звали Абдаллах; затем идут две нисбы, указывающие на этническое и географическое происхождение их носителя: первая от берберского племени Лавата, вторая — от города Танжера; и, наконец, само «Ибн Баттута» значит, что наш марокканец является потомком некоего Баттуты³. Кроме того, к фамилии добавляется еще и лакаб (почетное прозвище) — шамс ад-дин, что значит «солнце веры».

Учился Ибн Баттута в родном городе. Начальное образование включало обучение чтению Корана, основам логики, арабской филологии, риторики и мусульманского права. Освоив эти дисциплины, молодой человек получил возможность продолжить занятия, посещая лекции богословов и ученых. Ибн Баттута, видимо, уже в молодые годы обладал весьма обширными знаниями в области традиционных мусульманских наук — богословия, права и т. д., так как еще в начале своих путешествий неоднократно исполнял обязанности кади — судьи. По возвращении из странствий он уже слыл большим знатоком юриспруденции: современники добавляли к его имени еще один лакаб — факих, то есть весьма образованный правовед, хорошо разбирающийся в вопросах мусульманского права. По своим религиозным убеждениям наш марокканец придерживался распространенного в Магрибе маликитского толка правоверного ислама, наиболее консервативного направления, рекомендующего буквально понимать содержание Корана и строго придерживаться всех его предписаний. Принадлежность к правоверному исламу до определенной степени определила мотивы и его первого путешествия — паломничество в священный город мусульман Мекку, и дальнейших странствий — желание повидать мусульманские святыни в других странах и вообще мусульманский мир.

Кроме наук мусульманских Ибн Баттута, несомненно, достаточно хорошо знал и науки светские, прежде всего литературу и искусство стихосложения, был неплохим версификатором и даже преподносил свои стихи правителям, на службе у которых находился. Не лишенный и дипломатических способностей, он быстро приобретал влияние при дворах монархов и зачастую становился одним из фаворитов. Последнему, вероятно, способствовал еще целый ряд обстоятельств, и прежде всего то, что в большинстве случаев он появлялся в новых местах как богатый купец из далеких стран, чем сразу же обращал на себя внимание. Так или иначе, Ибн Баттута почти во всех случаях сразу же после прибытия в очередную страну попадал во дворец ее властелина и вскоре приобретал у него значительный авторитет.

Итак, Ибн Баттута, получив неплохое для своего времени образование, 2 числа месяца раджаба 725 года хиджры мусульманского лунного календаря (14 июня 1325 года), пустился в путь с намерением совершить

хаджж в Мекку и побывать на могиле Мухаммеда в Медине. «Я отправился в одиночестве, — пишет он, — без товарища, дружба которого развлекала бы меня в пути, без каравана, к которому мог бы присоединиться; меня побуждала решимость, и сильное стремление души, и страстное желание увидеть благородные святыни. Я твердо решил расстаться с друзьями — мужчинами и женщинами, покинуть родину, как птицы покидают свои гнезда. Родители мои были еще тогда в узах жизни, и я, так же как и они, перенес много скорби, покинув их. Было мне тогда двадцать два года»⁴.

Дорога Ибн Баттуты проходила через важнейшие центры африканского побережья Средиземного моря. Первый этап путешествия охватывал северные районы территорий нынешних арабских государств Северной Африки — Марокко, Алжира, Туниса, Ливии, Египта и завершался в Каире.

Именно к XIV веку, когда здесь побывал Ибн Баттута, относится бурный рост приморских городов Магриба. Особенно широкую торговлю вели города Бужи (Биджайя) и Тунис. Заключали долгосрочные торговые договоры с крупнейшими городами Италии, Каталонии и Прованса. Развитие шерстоткацкой промышленности в итальянских городах увеличило потребность в шерсти, которую в изобилии мог поставлять Тунис. Высококачественная шерсть «гарбо» весьма ценилась на рынках Западной Европы. Этот сорт приобрел столь широкую известность, что словом «гарбо» в Италии стали называть и районы, откуда его привозили. Этот термин, обозначающий районы Центрального и Западного Магриба, можно встретить в итальянской литературе эпохи Возрождения, в том числе и у великого Данте.

Северная Африка поставляла в Европу и кожевенное сырье. Только один Неаполь вывозил оттуда ежегодно более восьми тысяч шкур. Другими, не менее ценными предметами вывоза были оливковое масло, хлопок, лен, шелк, фрукты, воск. Во Франции восковые свечи стали даже называть словом «бужи», от наименования североафриканского города. Важную роль играла и транзитная торговля. Золото, слоновая кость, эбеновое дерево и рабы, доставлявшиеся в порты Магриба из тропической Африки, приносили огромные доходы арабским купцам. В обмен на африканские товары ввозились ткани и металлические изделия из Италии, Франции и Фландрии, оружие

из Ломбардии и Испании; несмотря на запрет Корана употреблять спиртные напитки, арабы все же закупали и вино, а в Тунисе процветали французские винные лавочки.

Чем дальше на восток от Танжера, тем более богатые города встречались на пути нашего марокканца. Алжир, расположенный амфитеатром на склонах горы и утопающий в зелени садов, апельсиновых и оливковых рощ, Бужи и Бон, с их пестрой, разноплеменной толпой купцов, ремесленников и моряков, древний Тунис, «благоухающая невеста Магриба», — все поражало воображение путника. Но Ибн Баттуту, как правоверного мусульманина, прежде всего интересовало все, что так или иначе связано с исламом. Он обращает внимание в первую очередь на то, как живут мусульмане, как устроена городская администрация, суды, чем знамениты местные правители. Христиан же, которых можно было встретить здесь в лице итальянцев, французов и каталонцев, Ибн Баттута намеренно избегал. Позже эта черта стала характерной почти для всех его путешествий: посещать лишь мусульманские страны и по возможности избегать контактов с иноверцами.

В Тунисе Ибн Баттута присоединился к каравану паломников, следовавшему в Мекку. Пилигримы сразу обратили внимание на глубокие познания молодого танжера в мусульманских науках, избрав его своим кади. Когда караван достиг Сафакуса, Ибн Баттута заключил брачный контракт с дочерью одного тунисца, но вскоре, на пути из Туниса в Александрию, развелся с ней и женился на дочери одного из паломников. Мусульманская религия разрешает правоверным иметь одновременно не более четырех жен и неограниченное количество наложниц и рабынь. Развод совершался довольно просто: достаточно трижды произнести формулу «я с тобой развожусь».

Весной 1326 года караван прибыл в Александрию, крупнейший город Средиземноморья. Город был заложен в 332 году до нашей эры Александром Македонским и при его преемниках, царях из династии Птолемеев, стал столицей Египта и крупнейшим центром науки и культуры. Александрия была связана мостом с островом Фарос, на котором находился знаменитый маяк, слывший одним из семи чудес света. Рядом с царским дворцом располагалась Александрийская библиотека — богатейшее собрание книг древности. В ее залах хранилось более полу-

миллиона ценнейших рукописей. Большая часть их погибла во время многочисленных войн: Юлий Цезарь, намеревавшийся вывезти часть книг в Рим, упаковал их в громадные тюки, которые случайно загорелись. Уцелевшая часть книг подверглась пожару во время войны, которую вел Рим с царицей Пальмиры Зиновией. Позже библиотеку жгли христиане, уничтожившие «языческие книги».

Из Александрии караван направился в Каир. Огромный город буквально ослепил своим блеском Ибн Баттуту. Все здесь восхищало его: величественный Нил, прекрасные дворцы и мечети. «Нил,— пишет он,— из всех рек на свете имеет наиболее приятную воду, а также отличается на вид протяженностью и полезностью. И никакая другая река мира не имеет столько городов и деревень вдоль берегов. И нет реки на свете, кроме Нила, которая именовалась бы морем». Но особенно интересовали нашего героя исторические памятники Каира.

Каир считают одним из древнейших городов мира. Более чем за три тысячи лет до нашей эры немного выше современного Каира возник Мемфис — столица Древнего Египетского царства. В 640 году арабы, вторгшиеся в Египет, разрушили Мемфис, а в нескольких километрах север-восточнее, неподалеку от византийского города Вавилона основали новый город Фустат (по-арабски «палатка»). Согласно одной из легенд, город получил это имя в честь палатки арабского военачальника Амра ибн ал-Аса. Амр отдал приказ снимать лагерь и собираться в поход, но вдруг заметил, что на его палатке голуби свили себе гнездо. Сочтя это хорошим предзнаменованием, Амр запретил убирать палатку. Вскоре это место было объявлено священным, а над палаткой воздвигнута мечеть, названная мечетью Амра. Мечеть Амра уже в позднее средневековье считалась одним из замечательных памятников мусульманской культуры.

Собственно Каир был основан в X веке севернее Фустата. Название городу, согласно одной из версий (арабское ал-Кахира — «победоносный»), было дано в честь побед, одержанных арабскими войсками. По другой версии, город получил имя в честь планеты Марс, называемой Кахира. Ко времени посещения Ибн Баттутой Египта Каир и Фустат существовали как два самостоятельных города, но уже в это время был заметен разительный контраст между ними (в XVIII веке Каир окончательно поглотил Фустат). Фустат со своими многочис-

ленными роскошными дворцами и мечетями постепенно приходил в упадок, жители покидали его, переселяясь в соседний Каир, который с каждым годом все разрастался. В XIV веке его население превышало полмиллиона человек. Обширные сады, окружавшие дворцы египетской знати, образовывали сплошное зеленое кольцо, отделявшее аристократический центр от окраин, где жили многочисленные торговцы, ремесленники, городская беднота. Жители размещались в городских кварталах по социальному, национальному и религиозному признакам. Каждая улица, населенная определенной группой людей, заканчивалась мощными воротами и, таким образом, была отделена от соседней. Кроме того весь город окружала высокая кирпичная стена.

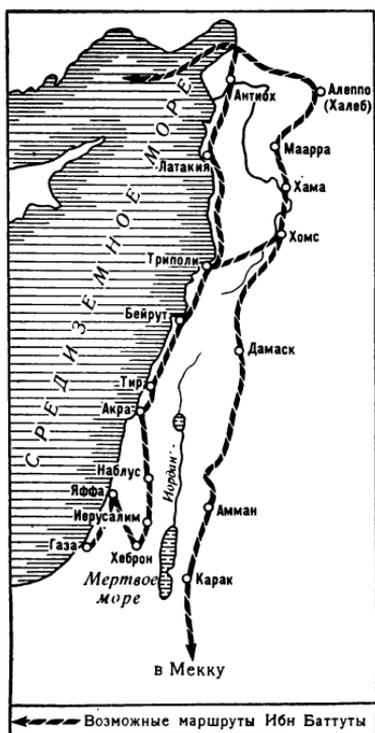
Осмотрев достопримечательности Каира и его окрестностей, а также подробно ознакомившись с системами государственного и местного управления и судопроизводства в Египте, наш марокканец отправился дальше на юг, к побережью Красного моря, чтобы оттуда через море добраться до Аравии. Караван, в составе которого он следовал, благополучно добрался до первого порога на Ниле и, повернув на восток, прибыл в порт Айзаб.

Здесь неожиданное препятствие заставило Ибн Баттуту изменить намеченный маршрут: переправиться через Красное море оказалось невозможным из-за военных действий между египетскими войсками и восставшими бедуинскими племенами. Пришлось возвращаться тем же путем в Каир.

Неудача не обескуражила Ибн Баттуту и его спутников. К цели их путешествия — Мекке можно было попасть и северным путем, через Палестину и Сирию. Пилигримы решили добраться до Дамаска и там присоединиться к большому каравану паломников, который ежегодно отправлялся оттуда в Мекку. Вынужденное изменение маршрута давало возможность осмотреть еще и многочисленные «святые места» и исторические памятники Сирии и Палестины.

Ибн Баттута описывает все посещенные им древние города от Хеброна и Иерусалима до Халеба и Дамаска.

«Триполи, — повествует Ибн Баттута, — один из важнейших городов Сирии. Он лежит в двух милях от моря, а раньше располагался на побережье и находился во власти христиан. Когда же его заняли арабы, они разрушили старый город и на его месте выстроили новый».

Путешествия Ибн Баттуты по Сирии и Палестине

сти к Омару ибн Абд ал-Азизу». Это замечание Ибн Баттуты хорошо характеризует отношение последователей правоверного ислама (суннитов) к приверженцам другого течения — шиизма.

Побывал Ибн Баттута и в древнем Баальбеке — «одном из наипрекраснейших городов Сирии. Нет другого такого места, столь изобилующего вишнями, различными сладостями, тканями, деревянной посудой и ложками, которые делают местные жители. Тарелки, сделанные ими, укладываются одна в другую по десять штук и выглядят таким образом как одна. То же и с ложками, которые укладываются в кожаные торбы, притороченные к поясу, чтобы их можно было носить. Когда случится дорожный привал и собираются есть, достают такую «одну» ложку и раскладывают ее затем на десяти-

Миновав Хама — «город, окруженный со всех сторон садами», наш путешественник добрался до небольшого городка Маарра, прославленного тем, что в нем родился знаменитый арабский поэт Абу-ль-Аль ал-Маарри⁵. «Маарра — маленький, но очень красивый город. Растут там в основном фиговые и фисташковые деревья, плоды которых пользуются большим спросом в Сирии и Египте. Неподалеку от города находится гробница повелителя правоверных Омара ибн Абд ал-Азиза. Она не принадлежит какому-либо монастырю и за ней нет никакого ухода. Причина этого в том, что окрестные земли населены шиитами — людьми, вызывающими отвращение, которые пылают ненавистью к каждому, кто носит имя Омар, а в особенно-

Дамаск порастил Ибн Баттуту так же, как он поражал и всех других путешественников, побывавших в этом замечательном городе. «Красота его превышает красоту всех других городов», — пишет он. Далее в тексте «Путешествий» приводится выдержка из сочинений Ибн Джубайра⁶: «Поистине, Дамаск — рай Востока... наипрекраснейший город».

«Мечеть Омейядов в Дамаске, — продолжает Ибн Баттута, — самое величественное, самое прекрасное строение, прекраснейшая и изящнейшая мечеть на свете. Нет ничего в мире, что бы могло сравниться с ней». Действительно, недаром средневековые арабские авторы называли мечеть Омейядов «четвертым чудом света». Длина ее превышает сто пятьдесят метров, ширина — сто метров. Одновременно в ней могут совершать молитву несколько тысяч верующих. Сооруженная в VIII веке, она была символом могущества и процветания халифата Омейядов. Здание мечети было богато украшено золотом, драгоценными камнями, редкостными мраморными плитами, глазурованными изразцами и великолепной многоцветной мозаикой с позолотой.

Ибн Баттута сообщает нам и некоторые подробности об основании мечети Омейядов. «Построил ее, — рассказывает он, — повелитель правоверных Валид ибн Абд ал-Малик [правил с 705 по 715 год]. По его просьбе, византийский император прислал двенадцать тысяч строителей для сооружения мечети. На ее месте прежде была христианская церковь, и когда арабы захватили Дамаск, им удалось занять лишь ее половину. В части, занятой мусульманами, было решено построить мечеть, а в другой половине продолжала существовать церковь. Однако Валид вознамерился строить мечеть на всей территории и предложил христианам продать их часть за любую сумму, которую они предложат. Услышав в ответ отказ, он занял силой всю церковь. Тогда христиане стали говорить, что тот, кто отважится разрушить святыню, немедленно заболит бешенством. Разъяренный Валид схватил топор и со словами «так пусть же я буду первым, кто подвергнется бешенству в служении Аллаху» начал рушить церковь. Увидев это, воины последовали его примеру. И, хвала Аллаху, — с гордостью добавляет Ибн Баттута, — всем стало ясно, что слова христиан были выдумкой. Мечеть украсили золотом и мозаикой, в которой были подобраны цвета удивительной прелести». В Дамаске

наш путешественник женился в третий раз и в сентябре 1326 года в составе каравана паломников направился к Мекке. Вскоре караван благополучно достиг священного города.

«Мекка, — сообщает Ибн Баттута, — большой город прямоугольной формы, построенный на дне долины, которая окружена со всех сторон горами. Следовательно, каждый, кто достигает Мекки, видит город прежде, чем войдет в него. В Мекку привозят всевозможные виды фруктов — виноград, финики, фиги, персики, которые нельзя сравнить ни с какими другими на свете. Привозят также дыни, отличающиеся несравненным ароматом и сладостью. Мясо в Мекке жирное и нежное на вкус. Жители Мекки — люди, отличающиеся услужливостью, честью и благородством и особенно щедростью к убогим и слабым и добротой к пришельцам. Когда кто-нибудь из жителей хочет устроить пиршество, он сначала приглашает убогих, которым раздает еду. Эти несчастные садятся обычно у общественных пекарен, в которых люди выпекают себе хлеб. А когда хлеб испечется и его несут домой, то каждому из них дают по куску. Женщины в Мекке удивительно прекрасны, с лицами, выражающими набожность и добродетельность. Они исполняют большое количество благовоний и каждая из них готова терпеть голод, чтобы на монету, предназначенную на еду, купить себе благовония. Каждую пятую ночь женщины отправляются в мечеть, одеваясь в наилучшие наряды, и тогда святыня наполняется запахом благовоний».

Долг каждого правоверного мусульманина — хотя бы один раз в жизни побывать на родине основателя ислама Мухаммеда, в «матери городов» Мекке и прикоснуться устами к священному черному камню. Паломничество, или хаджж — одна из пяти основных обязанностей мусульман. Совершают его в священные месяцы мусульманского календаря шавваль, зу-ль-када и десять дней месяца зу-ль-хиджжа. Наиболее состоятельные паломники приезжают задолго до начала трехдневного праздника, которым заканчивается хаджж, и остаются в городе на несколько месяцев после его окончания. Основная же масса паломников проводит в Мекке лишь то время, которое необходимо для совершения обязательных ритуалов хаджжа, так как жизнь в городе в этот период становится очень дорогой.

Подойдя к священному городу, паломники снимают

дорожное платье (начало цикла ритуалов хаджжа) и одевают ихрам — особую одежду, состоящую из двух кусков неподрубленной белой льняной или хлопчатобумажной ткани. Один из них опоясывают вокруг бедер, другой перекидывают через левое плечо. Ихрамом называется также то особое состояние, в котором пребывают паломники во время совершения хаджжа: им запрещается убивать живые существа, уничтожать растения, стричь волосы и ногти, бриться, мыться, предаваться различным наслаждениям и так далее. В силу этого прежде, чем принять ихрам, паломники стригутся, бреются, совершают омовение. На большом базаре у входа в город расположено множество циркулен, в которых они бреют головы.

Войдя в Мекку, паломники направляются к ее главной мечети Бейт Аллах (Дом Бога), куда ведут все улицы города. Несколько десятков каменных ворот открывают путь во двор мечети. В центре его находится Кааба (от арабского «куб» — сооружение кубической формы, покрытое покрывалом из черного шелка, иногда из бархата или хлопчатобумажной ткани). Здесь паломники целуют черный камень в стене Каабы: в судный день он должен возвестить, кто из совершавших хаджж целовал его «праведными устами».

«Черный камень находится на высоте шести пядей от земли, — пишет Ибн Баттута, — так что человек высокого роста целует его наклонившись. Когда же это делает человек среднего роста, ему приходится вставать на цыпочки. Камень вделан в стену и обращен к востоку. Ширина его — две трети пяди, а длина — одна пядь». Согласно преданию, он был вручен ангелом родоначальнику арабов Исмаилу.

Поцеловав черный камень, паломники семь раз обходят вокруг Каабы, затем совершают ритуальный пробег между расположенными в ста шагах от нее холмами Сафа и Марва (Агарь, мать Исмаила семь раз пробежала между ними в поисках воды для сына) и пьют воду из колодца Земзем. «Купол колодца Земзем расположен напротив черного камня, — сообщает Ибн Баттута, — внутри он выложен белым мрамором. Отверстие благословенного колодца находится посередине купола и отделано мрамором и свинцом. Рассказывают, что вода в нем находится на глубине одиннадцати сажень и прибывает на каждую пятую ночь».

Далее начинается самая ответственная часть хаджжа. Паломники идут на гору Арафат, возвышающуюся в семи часах пути от Мекки. На этой горе, согласно легенде, Адам и Ева встретились после грехопадения. Дорога к горе ведет через долину Мина, где Авраам хотел принести в жертву своего сына Исаила. В Мине бросают камешки в «дьяволов» — трех бывших идолов. 9-го зуль-хиджжа слушают трехчасовую праздничную молитву, затем отправляются в Муздальфу (в нескольких километрах от Арафата) и там слушают проповедь мекканского имама, после чего поздравляют друг друга со званием хаджи. На следующий день начинается праздник курбан-байрам, длящийся три дня. Во время этого праздника приносят в жертву животных — овец, баранов или верблюдов (в память о жертвоприношении Авраама). Лучшие куски мяса, а также шкуры преподносят духовным лицам, из остального приготавливают праздничные блюда. Мясо раздают нищим, чтобы в этот день не было голодных и недовольных. После совершения всех ритуалов можно снять ихрам и одеть праздничные одежды, побриться, совершить омовение и натереться благовониями. Праздник завершается вторичным посещением Каабы.

Как истинный мусульманин, Ибн Баттута посетил и второй священный город — Медину, где похоронен пророк Мухаммед, ибо «молитва, вознесенная к Аллаху в Медине, стоит тысячи молитв, произнесенных в другом городе». После изнурительной мекканской жары паломники сразу почувствовали справедливость арабской поговорки, приписываемой Мухаммеду: «Терпеливо перенесший зной Мекки и холод Медины заслуживает награды в раю».

Города и легенды

Паломники, стекавшиеся в Мекку со всех концов мусульманского мира — от Марокко до границ Китая, приносили с собой вести о диковинках далеких стран. Ибн Баттута слышал немало рассказов о богатых городах Ирака и Ирана, о замечательных дворцах и мечетях, библиотеках, старинных книгах и выдающихся ученых. «Кто отправляется в путь ради знаний, тому Аллах облегчает дорогу в рай» — любили говорить багдадские купцы. И Ибн Баттута снова отправился в путь, к берегам великих рек — Тигра и Евфрата, а затем дальше на восток, в Иран.

Жизнь средневекового Ирака была неразрывно связана с этими двумя водными артериями. Даже само название страны означает «побережье», «берег». Берега Тигра и Евфрата с древнейших времен стали местом рождения цивилизаций. Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилон... Несметные полчища завоевателей прошли по древней земле Месопотамии. Города, народы, культуры сменяли друг друга, рождаясь и погибая. Немыми свидетелями оставались лишь величественные постройки да надписи на камнях, высеченные руками неизвестных мастеров.

История, воплощенная в камень, проходила перед Ибн Баттутой по мере того, как он переезжал из города в город. Басра поражала бесчисленным множеством купцов и моряков, приехавших сюда. Басрийские кораблестроители и мореходы превзошли своим мастерством индийцев и китайцев, издавна бороздивших воды Индийского океана. Они поддерживали регулярные морские связи со многими странами Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, основали свои фактории на Сокотре и Занзибаре. Ибн Баттута увидал здесь купцов, которые плавали в далекие страны и привозили оттуда пряности, шелк, золото, черных и белых рабов. Арабы, армяне, персы, индийцы — кого здесь только нельзя было встретить! Ежедневно в Басре в трех местах устраивали базары: утром на рынке верблюжьего мяса, днем на рынке Осман, а вечером — на рынке мастеров по изготовлению чаш.

При торговле вместо золотых и серебряных монет пользовались чеками, которые выдавали менялы в качестве расписки за сданный им товар. Только закончив все торговые операции, купцы предъявляли своему меняле чеки, и тот уже оплачивал их звонкой монетой.

«Басра — один из главных городов Ирака и известна даже в далеких странах, — рассказывает Ибн Баттута. — Лежит она на широкой равнине, имеет красивые улицы, бесчисленные сады, в которых произрастают лучшие сорта фруктов. Земля здесь очень плодородна, поскольку это место является местом встречи двух морей — моря сладкого и моря соленого [символическое название вод Тигра и Персидского залива]. Нигде на свете нет такого количества пальм, как здесь».

Немало легенд связано с основанием иракских городов. Это особенно привлекало Ибн Баттуту, тем более что такие города, как Неджеф и Кербела, имеют для мусульман-шиитов, пожалуй, не меньшее значение, чем Мекка и

Медина для представителей правоверного ислама. Хотя наш марокканец и относится к числу последних, его интересовало все, что так или иначе относилось к мусульманской религии и истории народов, исповедующих ее.

Во времена Ибн Баттуты, как, впрочем, и в наши дни, ислам был представлен двумя основными направлениями — так называемым правоверным, или суннизмом (от арабского «сунна» — сборник устных преданий о Мухаммеде и его изречений), и шиизмом (от арабского «шиа» — партия, секта). Шиизм как религиозно-политическое течение возник во второй половине VII века в Ираке среди арабских племен, поддерживавших халифа Али в междоусобных войнах в халифате. Али и одиннадцать его ближайших родственников и прямых потомков-имамов погибли (шииты считают их святыми мучениками, убитыми за веру). Шиизм вскоре получил распространение в Ираке, Иране и некоторых других странах, и места захоронения Али и имамов стали местами паломничества последователей шиизма.

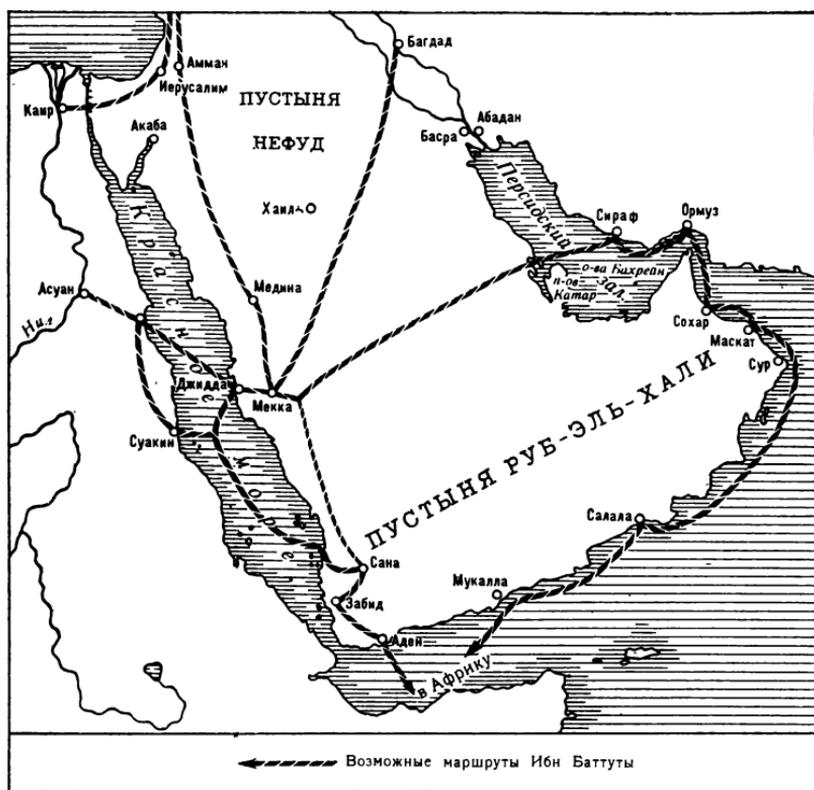
Согласно преданию, Али завещал, чтобы после смерти тело его положили на верблюда и, выпустив животное в пустыню, похоронили там, где верблюд первый раз опустится на колени. Али был убит в Куфе в 661 году. Родственники убитого выполнили его завещание. Верблюд остановился в двадцати километрах от Куфы. На могиле насыпали большой холм, на вершине которого позже воздвигли мечеть. Вокруг нее возник небольшой городок из палаток и шатров, затем стали вырастать дома. Так появился город Неджеф (арабское «холм», «бугор»). Не меньшей популярностью пользуется и мечеть в Кербеле, где похоронен Хусейн, сын Али. Внутреннее устройство мечети в Кербеле впервые стало известно нам из подробного описания Ибн Баттуты.

А вот Куфа вошла в историю не только из-за трагических событий, связанных с гибелью халифа. Город дал название изобретенному здесь куфическому письму — угловатому шрифту, которым написаны многие средневековые арабские рукописи. Не меньшую известность получила Куфа и благодаря замечательному философу и ученому ал-Кинди¹, жившему здесь в IX веке.

Но самым замечательным городом средневекового Ирака да, пожалуй, и всего Ближнего Востока был Багдад. По приказу второго халифа из династии Аббаси-

дов Абу Джафара Мансура в 762 году была воздвигнута новая столица халифата Мадинат ас-Салам («город мира»). Город заложили неподалеку от руин трех древних столиц: сасанидского Ктесифона, македонской Селевкии и прославленного Вавилона, на месте небольшой сасанидской деревушки Багдад, название которой в переводе со среднеперсидского языка означает «данный богом». Средневековый арабский географ Йакут² передает следующие слова одного из советников халифа, рекомендовавшего построить город именно в этом месте: «... по каналу и Тигру получишь продовольствие из окрестностей, а по Евфрату из Сирии, Месопотамии, Египта... Тебя окружают реки, и враг сможет проникнуть в страну лишь по мостам, если же ты их разрушишь, то врагу не будет пути». Город быстро рос и стал достойной столицей могучего и обширного арабского халифата. Вскоре первоначальное название Мадинат ас-Салам заменили на более древнее и простое — Багдад. В IX веке, в эпоху расцвета, по свидетельству современников, население Багдада превышало один миллион человек, в нем было до двухсот тысяч домов и около тридцати тысяч мечетей. Особой известностью пользовалась высшая духовная школа, построенная по приказу халифа Мустансира в первой половине XIII века. Школу считают одним из старейших в мире высших учебных заведений. Кроме традиционных религиозных дисциплин в ней преподавали арабскую филологию, философию, законы стихосложения, арифметику, алгебру, медицину. В библиотеке школы насчитывалось более восьмидесяти тысяч рукописных книг.

Севернее Багдада расположился Мосул. Он был основан в VI веке неподалеку от древней столицы Ассирии Ниневии, на пересечении главных торговых путей от портов Черного и Средиземного морей в Иран и Индию. Название города (от арабского «связывать», «соединять») объясняется его ролью торгового моста между Востоком и Западом. Средневековый арабский географ Йакуб ал-Хамиви³ называл Мосул «караванной станцией, с которой можно добраться в любую страну». «Мосул — дверь Ирака и ключи к Хорасану, — писал он. — Я слышал, что есть три великих города: Нишапур, считающийся дверью на Восток, Дамаск, считающийся дверью на Запад, и Мосул, поскольку путешественник не минует его, чтобы попасть в два первых города». Мосул был хорошо известен и за пределами арабских стран. В средневековой

Путешествия Ибн Баттуты по Аравийскому полуострову

Европе многие знали об этом городе благодаря тончайшей ткани муслин, производившейся здесь.

«Мосул опоясан двумя крепкими стенами, — рассказывает Ибн Баттута, — с многочисленными башнями, расположенными близко друг от друга. Ни в каких других городах не видел я подобных стен, кроме столицы Индии Дели. Мосул имеет много предместий с мечетями, банями, постоялыми дворами и базарами».

Неподалеку от Басры, на противоположном берегу Шатт эль-Араб расположился Абадан, один из крупнейших портов современного Ближнего Востока. В XIV веке, по свидетельству Ибн Баттуты, он был еще «не более чем большой деревней». Далее на север и восток лежали

цветущие города Ирана Шираз, Исфахан, Мешхед, Нишапур. Персидские города приводили в изумление своей красотой и богатством, пожалуй, всех средневековых путешественников, побывавших здесь.

Шираз — центр иранской провинции Фарс. Священная древнеиранская книга Авеста сообщает, что предки иранцев — арии пришли с обширных пастбищ Центральной Азии и обосновались в местности Парс (в арабском варианте Фарс). Отсюда к нам через греков пришло название «персы», «Персия». Арии дали стране свое название Иран, что означает «страна ариев». Шираз возник более двух с половиной тысячелетий назад и уже в древности славился искусными умельцами. На протяжении многих веков Шираз был одним из крупнейших городов древнего Ирана. В XI веке мусульманский правитель Абу Каланджар приказал снести до основания старый центр Фарса Истахр, а жителей его переселил в Шираз. В средние века Шираз был значительным центром культуры, науки и искусства. Здесь родились и жили всемирно известные поэты Саади и Хафиз (последний — современник Ибн Баттуты).

Исфахан расположен внутри горной цепи, окружающей его замкнутым кольцом. Согласно легенде, город основан царем Навуходносором, который поселил здесь пленных израильтян, приведенных из Иерусалима. Во время посещения Ибн Баттутой Исфахан был цветущим торговым центром Ирана. В разных концах города было множество базаров. Каждый из них окружен был высокой стеной. Мешхед, так же как Неджеф и Кербела, — место паломничества мусульман-шиитов. Здесь был убит и похоронен шиитский имам Реза. В связи с этим и город первоначально назывался Машхад ар-Ризави — «место убийства Резы». Правда, существует предание, гласящее о том что Реза вовсе не был убит, а умер оттого, что съел однажды огромное количество винограда... Но шииты утверждают, что имам был отравлен, паломничество к его могиле ставят выше, чем хаджж в Мекку. По свидетельству Ибн Баттуты, куполообразное здание, внутри которого находится гробница Резы, было богато украшено шелковыми покрывалами и множеством золотых светильников. Здесь же находится и гробница халифа Харуна ар-Рашида, столь известного по сказкам «Тысяча и одна ночь». Любопытно, что паломники-шииты, поклонявшиеся гробнице имама, без должного почитания от-

носились к гробнице халифа, придерживавшегося правоверного ислама.

Нишапур Ибн Баттута называет «маленьким Дамаском». Товары из этого города вывозили во многие страны Востока. По свидетельству другого арабского путешественника ал-Мукаддаси⁴, в Нишапуре «ткани — слава и блеск, в них наряжаются жители Египта и Ирака. Он — ярмарка Фарса, Синда и Кермана, склад для Хорезма и Рея». Тем не менее улицы города были «грязные, ханы [постоялые дворы] в беспорядке, бани нечистые, а стены зданий неровные». Кроме того «в климате его сухость, в людях грубость». В Нишапур стекалось множество ученых, писателей и поэтов. Здесь учился и гениальный поэт, философ и математик Омар Хайям⁵.

В 20-х — 30-х годах XIV века, когда города Ирана посетил Ибн Баттута, страна находилась под властью монгольских правителей Хулагидов. Монгольские ханы, столетием раньше вторгшиеся в Иран, разграбили его цветущие города, разрушили многие замечательные памятники искусства. Завоеватели во многом восприняли более высокую культуру персов и уже спустя полвека после завоевания, по свидетельству современников, двор монгольского правителя Ирана скорее можно было назвать персидским, нежели монгольским.

По следам Синдбада-морехода

Новый маршрут Ибн Баттуты пролегал по древним арабским морским путям, хорошо известным жителям побережья Аравии с давних времен. О морских плаваниях неоднократно упоминается и в Коране — яркое свидетельство тому, что арабы были знакомы с мореходным искусством еще в доисламское время. «Господь ваш Тот, Кто движет для вас корабли в море»¹. Арабские капитаны, вернувшись в родной порт, рассказывали об увиденных ими далеких странах и удивительных приключениях, происходивших во время плаваний. Рассказы эти, в которых правда причудливо персплеталась с вымыслом, с сюжетами из сказок и легенд, нередко оформляли в литературные сборники, ставшие весьма популярными в арабских странах. Так родился и знаменитый цикл сказок о Синдбаде-мореходе, вошедший в сборник «Тысяча и од-

на ночь». Прообразом Синдбада послужили отважные арабские капитаны, бороздившие волны Красного моря, Персидского залива и Индийского океана². Ибн Баттута последовательно побывал во всех крупнейших гаванях Аравии и побережья Восточной Африки, проделав путь, по которому в течение нескольких столетий плавали арабские торговые суда.

Посетив шиитские святыни и древнейшие города Ирана и Месопотамии, Ибн Баттута во второй раз отправился в Мекку. Там, из-за сразившей его болезни, он был вынужден прожить около двух лет. Оправившись от недуга, наш неутомимый странник вновь собрался в путь, пролежавший теперь преимущественно по морю.

Из Мекки он добрался до Джидды — морских ворот «священного города», известной также несколькими достопримечательностями, почитаемыми мусульманами. К востоку от города расположен холм длиной шестьдесят метров. Согласно преданию, здесь покоится тело «матери всех живущих» — Евы. Отсюда и название города Мадинат ал-Джидда — «город Праматери». Там, сев на корабль, Ибн Баттута переправился через Красное море и, совершив небольшое путешествие по суше, прибыл в старинный суданский порт Суакин. Согласно легендам, царь Соломон построил здесь мощную крепость и заточил в ней непокорных джиннов. Первоначально она носила название Саваджин («тюрьма»), которое позже превратилось в Савакин, или Суакин («жилье», «поселение»). Отплыв из Суакина, Ибн Баттута вновь пересек Красное море и высадился в Северном Йемене, проследовав, таким образом, по маршруту, которым собирался первоначально попасть в Мекку.

В Йемене он осмотрел древние города Забид, Таизз, Сану. «Забид — большой и людный город, — пишет Ибн Баттута, — полный пальмовых деревьев, рощ и ручьев. Он действительно самый прекрасный город Йемена. Жители его отличаются хорошим настроением, правдивым характером и красивой внешностью, особенно здешние женщины, которые необычайно красивы».

Таизз, «столица правителя Йемена», также восхитил нашего путешественника своей красотой, но жители столицы ему не понравились из-за их «презрительности и невоспитанности». Из Таизза Ибн Баттута отправился в Сану — древнюю столицу страны. «Этот город людный, построенный из кирпича и алебаstra. Деревьев, фруктов

и виноградников здесь в изобилии, город имеет умеренный климат и хорошую воду».

Наконец Ибн Баттута достиг Адена, который средневековые путешественники называли «первым рынком Аравии». Действительно, Аден, расположенный у выхода из Красного моря в Индийский океан, в течение многих столетий играл роль крупнейшего перевалочного пункта на торговом пути из Египта и внутренней Аравии в Африку, Иран, Индию. «В Аден прибывают индийцы на больших кораблях из Камбея, Таны, Каулема, Каликута³ и других городов, — рассказывает Ибн Баттута, — живут тут индийские и египетские купцы. Все жители Адена являются купцами, грузчиками, рыбаками». Отсюда началось плавание вдоль Восточного берега Африки до Мозамбикского пролива. Следуя сомалийским берегом, корабль остановился в Могадишо, важном торговом центре Восточной Африки, основанном арабскими переселенцами в IX—X веках. «У жителей есть множество верблюдов, которых они ежедневно режут сотнями. У них также много баранов, и они богатые торговцы. В Могадишо делают прекраснейшие ткани, которые вывозят в Египет и другие страны»⁴. Ибн Баттута называет его важнейшим городом всего побережья и сообщает интересную деталь о его правителе: «По происхождению он бербер и разговаривает на языке макдиши». Современными исследователями установлено, что действительно у жителей Могадишо в средневековье был распространен собственный язык, которым они пользовались параллельно с арабским. Интересна и другая деталь. Если арабский географ Йакут, живший в конце XII — начале XIII века, сообщает, что у жителей Могадишо «нет правителя, а делами их ведают старейшины» и далее, говоря об арабах, населяющих город: «У них нет султана, и каждая группа повинуетя своему старейшине»⁵, то Ибн Баттута говорит, что городом управляет султан. «Мы прибыли на большой остров Манбас, — рассказывает Ибн Баттута о Момбасе, — лежавший в двух днях плавания от страны санахилей... Острову не принадлежит какая-либо территория на материке. Растут там бананы и лимоны. Жители собирают также плоды растения, очень похожего на оливку... Они не занимаются земледелием... большая часть их пищи состоит из бананов и рыбы... Зерно им привозят из страны Савахиль»⁶. Под страной Савахиль подразумевается часть побережья современной Кении.

В средневековье там существовали крупные города-государства, населенные смешанным арабо-негроидным (банту) населением, которое позже составило ядро народа суахили. «Там (в Момбассе) мы провели ночь. Затем вышли в море и поплыли к большому городу Кулуа (Килва), расположенному на побережье, где живут в основном зинджи с необычайно черной кожей... Кулуа один из прекраснейших и наиболее благоустроенных городов. Построен он целиком из дерева». Португальский мореплаватель Дуарте Барбоза, несколько позже Ибн Баттуты побывавший в Килве, также пишет о хорошей планировке города, но утверждает, что дома там построены из камня и извести. «Вокруг города, — добавляет он, — ручьи и фруктовые сады с многочисленными каналами пресной воды... В этом городе много золота, поскольку ни один корабль не проходит в Софалу без захода на этот остров»⁷.

«В Кулуа мы сели на корабль, который направлялся к городу Зафар... Он находится на окраине Йемена у Индийского океана. Оттуда вывозят лошадей в Индию. При попутном ветре это плавание длится целый месяц. Я сам плывал однажды в Зафар из индийского города Каликут и это заняло двадцать восемь дней»⁸. Плавание из Зафара в Каликут (или в обратном направлении) осуществлялось по одному из двух маршрутов: или вдоль берега, с заходом в многочисленные порты на побережье Ирана и Индии, или напрямую через Аравийское море. Выбор маршрута зависел от опыта капитана и целей плавания. Во всяком случае, второй путь был освоен арабами задолго до XIV века. Они явились первооткрывателями сезонных ветров Индийского океана — муссонов, использование которых позволяло кораблям смело выходить в открытое море. Тот факт, что именно арабским мореходам принадлежит честь открытия муссонов, подтверждается и происхождением этого слова от арабского рих ал-мавсим — «отметный ветер», то есть ветер, отмечающий определенные сезоны, времена года⁹.

Дальнейший путь Ибн Баттуты проходил вдоль берегов Восточной Аравии и Южного Ирана — районов, где располагались крупнейшие средневековые арабские порты. Именно Восточная Аравия была колыбелью арабского мореходства. В средневековье, кроме гаваней оманского побережья Маската и Сохара, важнейшую роль играли и иранские порты Персидского залива, находив-

шиеся под властью арабов,— Хира, Сираф и Хормуз (Ормуз)¹⁰.

В Персидском заливе плавание на парусных судах не отличалось легкостью. Глубина его невелика, а воды усеяны многочисленными коралловыми рифами и песчаными отмелями. Особенно много таких препятствий около Бахрейнских островов и вблизи устья реки Шатт эль-Араб — общего русла рек Тигра и Евфрата. На берегу Тигра располагался крупнейший порт Убулла. Здесь выросли многочисленные склады, верфи и доки для ремонта судов. У выхода в море возвышались маяки, представлявшие собой пятидесятиметровые сооружения из тикового дерева, на верху которых были построены небольшие домики для сторожей. Маяки предупреждали о начале опасной зоны, а также и о появлении пиратов с Бахрейна или Сокотры. Причем последнее имело немаловажное значение, поскольку морской разбой в странах Восточной Аравии в средние века приобрел грандиозные размеры. Пиратство не считалось у арабов чем-то преступным и в течение столетий являлось основным занятием многих жителей Бахрейна и соседних районов побережья. Еще сравнительно недавно на картах можно было найти название Пиратский берег (аравийское побережье к востоку от полуострова Катар). Арабы, захватившие Убуллу в 633 году, уже тогда говорили о нем как о крупном центре торговли с Индией и Китаем. Но уже к XI веку Убулла пришла в упадок — Шатт эль-Араб приносил в дельту столько песка, что она катастрофически мелела и большие корабли уже не могли заходить туда. Убулла ко времени посещения ее Ибн Баттутой превратилась в небольшую деревню. Та же участь, что и Убуллу, постигла и древний порт Хира, откуда еще в V веке совершались плавания в Индию и Китай. Ее гавань также сильно обмелела, пока не оказалась отделенной от моря песчаными напльвами. В IX—X веках крупным океанским портом был Сираф. Отсюда в Индию и Китай вывозили хлопчатобумажные и шелковые ткани, жемчуг. Морская торговля была основным занятием его жителей. Арабский географ ал-Истахри¹¹ сообщает о них интересные подробности: «У купцов особенно заметно стремление объединить средства. Жители Сирафа и побережья предпринимая морские путешествия... На долю их достается богатое имущество, так что состояние много человека достигает четырех миллионов динаров... Однако подобный

человек по своей одежде ничем не отличается от своих насмных поденных работников»¹². Сираф в период наивысшего расцвета был почти до основания разрушен землетрясением и уже больше не смог достичь своего бывшего величия.

Во времена Ибн Баттуты роль крупнейшего порта Персидского залива перешла к Хормузу. «Земля — кольцо, а Хормуз — жемчужина в нём» — эту арабскую поговорку можно было услышать во многих городах Ближнего Востока и даже Индии. Город был известен еще в эллинистическую эпоху под названием Армузея (Ормуз). О нем сообщают Арриан и Птолемей, его упоминает и флотоводец Александра Македонского Непарх¹³. Значение международного морского порта Хормуз приобрел после завоевания его арабами. По известиям арабских географов X века ал-Истахри и ал-Мукаддаси, в то время он был крупным портом для своего юго-восточного Ирана. Отсюда вывозили сельскохозяйственные продукты, индиго, соль, черные и драгоценные металлы. Важной статьей экспорта, о которой рассказывает Ибн Баттута, были лошади. Арабский географ Якут подчеркивает важную роль Хормуза в торговле с Индией. К этому времени городом правила династия арабского происхождения, представители которой носили титул мелик. После монгольского нашествия они стали данниками монгольских ханов, однако размеры этой дани были весьма незначительными по сравнению с общим товарооборотом города. Во второй половине XIII века военные экспедиции хулагидов все чаще стали беспокоить богатые южноиранские княжества, в том числе и Хормуз. Боязнь захвата города монголами вынудила его правителя перенести Хормуз на близлежащий остров, где была построена мощная цитадель, а позже и новый город, названный Новым Хормузом. Недоступность нового города способствовала еще более быстрому росту и возвышению его среди других торговых центров. Положение Хормуза настолько укрепилось, что в 20-х годах XIV века его правители уже предпринимали завоевательные походы и вскоре овладели большей частью аравийского побережья Персидского залива, включая и Бахрейнские острова. К XIV веку Хормуз был уже важнейшим пунктом транзитной торговли, связывавшим Индию и Китай со странами Передней и Средней Азии и даже Европы. В связи с этим генуэзцы представили правителю Ирана своеобраз-

ный проект, по которому предлагалось все суда, следовавшие из Индии, заставлять направляться в Хормуз.

Старый Хормуз дважды посетил Марко Поло, в 1272 и 1293 годах. «Курмоз большой и славный город у моря,— пишет он,— тут есть мелик, и много городов и замков придчинены ему»¹⁴. Наиболее подробные сведения о Новом Хормузе содержатся у Ибн Баттуты. Их дополняют сообщения более поздних авторов: Афанасия Никитина, Абд ар-Раззака ас-Самарканди, Джаафари¹⁵ и других.

Ибн Баттута рассказывает, что в порту Хормуза можно было встретить купцов из Индии, Китая и других стран, которые снабжали своими товарами Иран, Фарс и Хорасан. Со всех товаров, за исключением золота и серебра, взималась пошлина в размере одной десятой части их стоимости. В городе жили купцы самых различных национальностей и вероисповеданий, но все они в одинаковой мере находились под покровительством властей. Поэтому Хормуз часто называли «обителью безопасности». Правители города получали громадные доходы от морской торговли, а также от продажи жемчуга, добываемого на Бахрейн, и на эти средства создали собственный сильный военный флот и наемную армию. Так, в одном карательном походе против непокорного князя участвовало около 300 хормузских кораблей. Интересно, что в торговых операциях города принимал активное участие и сам его правитель. Единственным, пожалуй, неприятным моментом для всех путешественников, посещавших Хормуз, были невыносимо палящие лучи солнца, приносившие изнурительную жару.

После Хормуза Ибн Баттута посетил еще несколько городов южного Ирана, в том числе и крупнейший морской порт Лар, а затем отправился на Бахрейн — остров, славный своим жемчугом. Нскогда один из крупнейших центров морской торговли, Бахрейн к этому времени потерял свое былое значение и превратился в окраину Ближнего Востока, понав в зависимость от Хормуза.

Все его богатства, и прежде всего жемчуг, вывозились в Хормуз.

Существует старинная арабская легенда о том, как рождается жемчуг: когда наступает весна, жемчужные раковины поднимаются на поверхность зеленых вод Персидского залива. Проглотив каплю прозрачной пресной воды, которую приносит дождь или утренняя роса, они снова опускаются на морское дно. К началу лета из этих

капель в раковинах рождаются драгоценные жемчужины. Ловля жемчуга велась не только вблизи Бахрейнских островов, но и вдоль Аравийского побережья вплоть до нынешнего Договорного Омана, на участке протяженностью около пятисот километров. Здесь насчитывается более двухсот отмелей, около которых производят ловлю жемчуга двадцати различных сортов. Ценность выловленных жемчужин определяется по цвету — белый, серый, розовый, зеленый, желтый, голубой или черный; форме — круглая или овальная; и, наконец, — прозрачности и блеску. Наиболее ценными считались круглые черные жемчужины.

«Место ловли жемчуга, — пишет Ибн Баттута, — расположено между городами Сираф и Бахрейн в тихом заливе, подобном широкой реке. В апреле и мае прибывает сюда большое количество лодок с ловцами жемчуга и персидскими купцами. Перед каждым нырянием в воду ловцы жемчуга надевают маску из черепашьего панцыря, из которого также делают клещи, служащие для зажимания ноздрей. Затем обвязываются шнуром и ныряют в воду. Ловцов различают по длительности пребывания под водой, некоторые из них в состоянии пробыть под водой (в течение дня) час, два и даже больше».

Путешествуя по «маршрутам Синдбада-морехода», Ибн Баттута сообщает интересные сведения о транспортных средствах, которыми он пользовался, — об арабских морских судах. Наиболее интересным у арабских кораблей было, пожалуй, их парусное вооружение, позволявшее им лавировать против ветра. Это качество судов имело громадное значение для плаваний в Персидском заливе или Красном море. Парусное вооружение состояло обычно из большого треугольного паруса на одной мачте и несколько меньшего на другой. Острые обводы корпуса создавали подобие киля, что также способствовало лавированию судна во время плавания при встречном ветре. Длина двухмачтовых судов составляла тридцать-сорок метров, а ширина — до пятнадцати метров. В качестве строительного материала использовали тиковое дерево, не подвергавшееся гниению в морской воде. В некоторых районах суда строили из древесины лабха — разновидности акации. Важной особенностью конструкции судов было почти полное отсутствие железных гвоздей: доски обшивки скрепляли особыми веревками, а затем пропитывали китовым жиром. Это объяснялось отнюдь не

технической отсталостью кораблестроения: тиковое дерево в присутствии железа начинает быстро гнить и давать течь в местах соединения досок. Среди арабских моряков существовало поверье, согласно которому воды Индийского океана изобиловали «магнитными скалами»; скалы эти якобы притягивали железные части корабля, что приводило неизбежно к его гибели.

Кормчие располагали достаточно совершенными по тому времени мореходными инструментами: астролябиями для взятия пеленгов береговых предметов, угломерами для определения высоты звезд и солнца, лотами для промера глубин. У лоцмана имелась морская карта с указанием координат основных береговых ориентиров, глубин и розой ветров. Интересно, что, несмотря на тщательность и подробность описаний своих морских плаваний, Ибн Баттута нигде не упоминает о применении компаса. Впрочем, это замечание относится и к другим средневековым путешественникам. Тем не менее компас, несомненно, был известен в те времена и имелся на всех крупных судах. Видимо, отсутствие упоминаний об этом приборе свидетельствует о том, что его применение являлось своеобразной профессиональной тайной, в которую кормчие не посвящали не только пассажиров, но и матросов. Оригинально решался арабскими мореходами вопрос связи с родным портом: для передачи добрых вестей использовали голубей.

Путешествия «по следам Синдбада-морехода» Ибн Баттута завершил, высадившись на Аравийское побережье Персидского залива в Эль-Хасе. Отсюда он снова двинулся в путь, пересек пустыни Аравии, в третий раз совершил паломничество в Мекку и знакомым уже путем добрался до Каира.

Пытливый странник

Прибытием в Каир заканчивается первый этап путешествий Ибн Баттуты, связанный со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Характер путешествий этого этапа можно определить вполне однозначно — как мусульманское паломничество, посещение мест, широко известных в то время в арабском мире.

Дальнейшие странствия — это совершенно новый этап, на котором Ибн Баттута предстает перед нами уже не просто как паломник, а как пытливый и наблюдательный

путешественник, одержимый жадой повидать все новые и новые страны. Круг его интересов становится шире. Теперь наш марокканец проходит огромные расстояния, преодолевая моря, реки и горные цепи. Повсюду за ним следует караван с «чадами и домочадцами» в лице жен, наложниц, рабов и рабынь, нагруженный тюками с товарами. В каждый новый город он прибывает как богатый купец из далеких стран, ведет там торговые сделки, а иногда и задерживается на некоторое время, поступая на службу к местному правителю.

Целью нового путешествия была Золотая Орда. Достичь ее можно было, пройдя через Сирию и Малую Азию к берегам Черного моря, а затем, добравшись морем до Крыма, через Причерноморские степи. В Малой Азии Ибн Баттута посетил крупнейшие города — Конью, Сивас, Денизли и Синоп, поразившие его великолепием своих дворцов, мечетей и базаров. «Денизли с его семью мечетями и прекрасными базарами — один из наиболее привлекательных городов, который мне довелось видеть», — пишет Ибн Баттута. Из Синопа, сев на корабль, он направился в генуэзскую колонию Кафа (нынешняя Феодосия).

Генуэзцы впервые появились на берегах Черного моря после 1169 года, когда была издана Папская булла, разрешавшая им доступ в эти районы. После падения Латинской империи в 1267 году генуэзские купцы мощным потоком устремились на берега Крыма и Анатолии. К началу XIV века генуэзские торговые колонии существовали уже во многих городах. Они вытеснили из Крыма венецианцев, которые вынуждены были переселиться в низовья Дона и на побережье Азовского моря¹.

Основной статьей вывоза из Крыма были рабы — выходцы из различных районов Кавказа. Их продавали преимущественно в Египет. В Кафе и некоторых других городах постоянно функционировали специальные конторы по закупке рабов. Работорговля приобрела такие широкие масштабы, что даже в итальянский язык вошло тюрко-монгольское слово «балабан», обозначающее раба-солдата. Расширение работорговли через посредство генуэзцев сильно обеспокоило европейских монархов и особенно папу Римского, поскольку это способствовало росту могущества Египта. В связи с этим в XIV веке неоднократно предпринимались попытки прекратить доставку рабов в Египет на кораблях христианских государств. В 1311 году был разработан специальный меморандум о

путях ликвидации египетского господства в Средиземном море и методах подрыва его мощи. С этой целью рекомендовалось в первую очередь установить контроль над судами, следующими из Черного моря в Египет. В течение ряда последующих лет вышло несколько папских указов, запрещающих купцам из христианских стран вести торговлю рабами с Египтом. Тем не менее эта торговля продолжалась и даже процветала, принося купцам огромные барыши.

В Кафе Ибн Баттута, вопреки его желанию, пришлось сблизиться с христианами, взаимоотношений с которыми он старательно избегал во время предыдущих странствий. Здесь же он впервые услышал колокольный звон в христианской церкви. Кафа была в то время христианским центром Крыма. За несколько десятилетий до посещения Ибн Баттутой здесь открылось католическое епископство. Население города составляло несколько десятков тысяч человек. Ибн Баттута считал Кафу портом мирового значения, но все же главным портом Крыма называл Судак, причисляя его к одной из «пяти гаваней мира». Судак, как и Кафа, являлся одним из важнейших черноморских центров торговли, поддерживал связь среди прочих стран и с Русью. Русским купцам этот город был известен задолго до появления там генуэзцев. Он неоднократно упоминается под названием Сурож в «Слове о полку Игореве», в былинах и летописях.

Далее, через Солхат (Старый Крым), служивший местопребыванием золотоордынского наместника, Ибн Баттута, осмотрев почти весь Крым, через причерноморские, или так называемые кыпчакские, степи направился к берегам Волги, в Астрахань. Волга искренне изумила его, как «одна из великих рек на свете». Астрахань была основана монголами в дельте Волги рядом с древним городом Итиль. Арабы и персы называли ее Хаджжи-Тархан. По объяснению Ибн Баттуты, название это дано по имени жившего здесь мусульманского святого паломника в Мекку. Эта версия, правда, кажется нам маловероятной. Скорее Хаджжи-Тархан — арабизированная форма тюрко-монгольского названия. Из Астрахани по льду замерзшей Волги Ибн Баттута достиг столицы Золотой Орды. Эта часть путешествия представляет особый интерес для исследователей, так как содержит подробнейшее описание состояния Золотой Орды в XIV веке.

Столицей Золотой Орды был Новый Сарай (в отличие

от Старого Сарая, или Сарая-Бату, основанного Бату-ханом на Ахтубе). Город основал брат Бату-хана Берке, отсюда и его второе название Сарай-Берке. Хан Узбек, в правление которого здесь побывал Ибн Баттута, перенес столицу из Старого в Новый Сарай. Город располагался на совершенно ровной местности, покрытой солончаками. Современники считали его одним из красивейших городов Востока. Сарай был прекрасно спланирован. Жилые дома, лавки купцов и ремесленников, бани, базары и мечети стояли вплотную друг к другу, так что не оставалось пустых, не застроенных мест. Здесь же находился и большой дворец — зимняя резиденция хана Узбека. Главные здания Сарая, отделанные разноцветными глазурованными изразцами, придавали городу особую красоту. Лавки купцов разных национальностей образовывали отдельные кварталы: арабов и персов, осетин и греков, черкесов, русских и многих других. В XIV веке русская колония была довольно обширной и даже имела свое епископство. Местные купцы поддерживали постоянные контакты со многими странами, имели в них свои мастерские и торговые конторы.

Сарай явился отправным пунктом еще для двух кратковременных путешествий нашего марокканца. Первое — в Константинополь, в кортеже одной из жен хана — греческой княжны. Эта поездка дала возможность Ибн Баттуте не только посетить столицу Византии, но и побеседовать с ее императором Андроником III, ознаменовавшим свое правление (1328—1341 гг.) многочисленными войнами, в результате которых он потерял большую часть своих владений в Малой Азии.

Второе путешествие было на север. В Астрахани и Сараях Ибн Баттута слышал много удивительных рассказов о лежащем далеко на севере богатом городе Булгар. «И я захотел совершить поездку туда, — пишет он, — дабы самому удостовериться в услышанном, увидеть короткую ночь в одно время года и короткий день — в другое»².

Булгар был одним из главных городов Волжской Булгарии — средневекового феодального государства, существовавшего в Нижнем и Среднем Прикамье в X—XV веках. К XIV веку относится период наивысшего расцвета города. Местные купцы-мусульмане вели обширную торговлю с Русью, Закавказьем, Средней Азией и даже Китаем. В Булгар приезжало много купцов из стран Евро-

пы и Азии. Наиболее подробное описание Волжской Булгарии оставил Ибн Фадлан, побывавший здесь в X веке в составе арабского посольства.

Большим спросом у иноземных купцов пользовалась пушнина, доставлявшаяся в Булгар с севера. «Мех горноста — самый красивый из всех, — замечает Ибн Баттута, — в Индии за одну шкурку платят тысячу динаров, что соответствует 250 марокканским динарам» (один динар содержал 4,25 грамма золота). Сблaзн отправиться самому за пушниной был настолько велик, что Ибн Баттута составил уже маршрут путешествия на Печору. Но, видимо, благоразумие и осторожность одержали верх: он все-таки «уклонился от этого предприятия из-за большой опасности...». Несмотря на это указание в тексте «Подарка созерцающим...», некоторые исследователи высказывали предположение, что Ибн Баттута возможно и побывал на севере, но по каким-то соображениям умолчал об этом в своих записях³.

Пробыв несколько дней в Булгарии, наш странник снова возвратился в Сарай, а оттуда через Прикаспийскую низменность и плато Устюрт направился в Хорезм, преодолев этот путь за сорок дней.

Хорезмский оазис с древнейших времен был очагом развития культуры. Благодаря титаническому труду местных земледельцев, оазис стал цветущим и богатым районом. Однако могущество Хорезма на протяжении всей его многовековой истории не давало покоя более сильным соседям. Одни завоеватели сменяли других. Тем не менее Хорезм не только продолжал существовать, но и становился все сильнее и богаче. Арабский путешественник Йакут, побывавший в Хорезме в период его наивысшего расцвета, писал, что не видел никогда области более обитаемой и превосходящей Хорезм по благосостоянию. Настоящей катастрофой как для Хорезма, так и для всей Средней Азии было нашествие полчищ Чингис-хана, результатом которого было массовое уничтожение местного населения, опустошение городов и сел. Но уже к XIV веку, когда здесь побывал Ибн Баттута, среднеазиатские города оправались от разрушений, вновь стали многолюдными торговыми центрами. Ибн Баттута восхищался великолепными архитектурными сооружениями Ургенча, Бухары, Самарканда. Особенно поразил его своими размерами Мавзолей Сейф ад-Дина Бахарзи в Бухаре.

Посетив города Средней Азии, Ибн Баттута через Хорасан и Афганистан направился в Индию. Многие города, некогда процветавшие, он нашел в развалинах — свидетельство походов завоевателей. Не делая по пути длительных остановок, он вскоре достиг великой реки Инд, которая явилась как бы символом завершения еще одного этапа путешествий. Дальше лежала Индия, столь известная в арабских странах сказочно богатая страна, рассказы о которой можно было услышать во всех городах Ближнего Востока.

Чудеса Индии

Правитель Мултана Кутб ал-Мулк с почетом встретил богатого арабского купца Мухаммеда ибн Абдаллаха, побывавшего в далеких странах. Ему были оказаны самые высокие почести, какие подобают человеку почтенному и уважаемому. Кутб ал-Мулк пригласил купца к себе во дворец, в знак особого расположения. Ибн Баттута «преподнес ему раба, коня, немного изюма и миндаля: самые ценные подарки для жителей этой страны, поскольку изюм и миндаль сюда доставляют из Хорасана»¹.

Сорок дней пути из Мултана в Дели превратились для Ибн Баттуты в увеселительную прогулку. «Придворный эмира и проводник, сопровождавшие нас, взяли с собой из Мултана двадцать поваров. Они ночью выезжали к следующей нашей стоянке, чтобы приготовить пищу и все необходимое». В Дели путники прибыли в сентябре 1333 года.

В XIV веке Дели был столицей обширного и могущественного султаната, распространившего свои владения на значительную часть полуострова Индостан. В 1320 году делийский престол занял Гийяс уд-дин, первый султан из династии Туглаков, проводивший активную политику расширения владений султаната. Правление его длилось всего пять лет и закончилось неожиданной трагической смертью. Султан возвращался из победоносного похода в Бенгалию. В окрестностях Дели ему была подготовлена торжественная встреча. В самый разгар торжества вдруг рухнул деревянный павильон, под обломками которого и погиб Гийяс уд-дин. Ибн Баттута утверждает, что роковой исход встречи был заранее подготовлен принцем Джауна-ханом, вступившим вскоре на делийский престол под именем Мухаммед-шаха.

В Дели Ибн Баттута приобрел большое влияние у султана Мухаммед-шаха² и вскоре был назначен на пост кади. Служба при дворе давала возможность ближе ознакомиться со всеми особенностями жизни султаната и его правителя, что особенно интересовало Ибн Баттуту.

Султан Мухаммед-шах был весьма своеобразной личностью. Современники давали ему самые противоречивые характеристики. Историки нашего времени также не имеют единого мнения в оценке его правления. Мухаммед-шах в течение всех двадцати шести лет царствования постоянно проводил одну за другой смелые и рискованные реформы. Однако все они в конечном итоге принесли отрицательные результаты. За жестокие расправы с многочисленными повстанцами современники прозвали его «хуни» — «кровавым». Хорошо характеризует отношение к нему современников замечание историка Бадауни о смерти султана: «Таким образом, государь избавился от своих подданных, а подданные — от своего государя».

В наследство от своего предшественника Мухаммед-шах получил огромную империю, поддержание порядка в которой требовало громадных усилий и средств. Получить эти средства можно было, лишь увеличив налоги, что султан и сделал. Об этом подробно пишет один из придворных Туглаков, Зия уд-дин Барани: «Султан Мухаммед в глубине души своей затаил несколько идей для того, чтобы весь населенный мир подчинить власти своих приближенных. Но об этих мерах он никогда не беседовал ни с кем из своих доверенных лиц и друзей. То, что он задумал, в его представлении было добром. Однако, осуществляя эти идеи, он потерял и те области, которыми владел, отвратил от себя людей, опустошил казну. Стали возникать волнение за волнением, замешательство за замешательством. По причине недовольства народ поднимал восстания и мятежи. Но задуманное султаном с каждым днем проводилось все упорнее. Большинство народа вышло из повиновения... Даже в самой столичной области Дели происходили волнения и мятежи... Первая идея, которая послужила причиной разрушения страны, заключалась в том, что султан Мухаммед вздумал увеличить подушный налог с населения двуречья Ганга и Джамны... Поборы стали так обременительны, что бедные крестьяне были разорены, богатые, имевшие деньги и имущество, восстали; области разорились, земледелие полностью прекратилось. Крестьяне других областей, прослышав о

бедствиях двуречья, из страха, что приказ о поборах будет распространен и на них, вышли из повиновения и бежали в леса. Вследствие сокращения посевов и разорения крестьян по всей стране начался голод... Это продолжалось в течение семи лет. Тысячи тысяч людей погибли в это время от голода»³.

Ибн Баттута попал в Дели в самый разгар бурной деятельности султана и смог лично наблюдать многие из его начинаний и их последствия. Так, еще одним из проектов Мухаммед-шаха была замена металлических денег штампованными кожаными, что привело к почти полному банкротству казны. Следующее мероприятие заключалось в перенесении столицы из Дели в Даулатабад (бывший Девагири): прежняя столица была расположена слишком далеко от южных границ страны. С этой целью выстроили новую дорогу; вдоль нее находились специальные пункты, где переселенцы могли отдохнуть и получить бесплатное питание. Хорошее, на первый взгляд, начинание султан испортил указом о принудительном переселении делийцев в Даулатабад. «Сумасшедший царь, — пишет Ибн Баттута, — приказал обыскать весь город, чтобы выяснить, не спрятался ли кто-нибудь в своих домах. После длительных поисков удалось обнаружить двух стариков, один из которых оказался слепым, а другой хромым...»

Ибн Баттута сообщает массу интересных сведений о состоянии хозяйства, системе управления и администрации, внутренней и внешней политике Индии. Многолетнее пребывание в стране позволило ему тщательно ознакомиться с ее жизнью, а природная наблюдательность и великолепная память — подметить, казалось бы, незначительные, но весьма важные черты и спустя много лет удивительно точно восстановить и записать свои наблюдения. Насколько нам известно, Ибн Баттута не вел никаких записей во время своих странствий. Тем не менее сообщаемый им фактический материал в большинстве случаев, при сравнении с сообщениями других авторов, оказывается поразительно точным.

В «Подарке созерцающим...» среди прочих сообщений содержится подробный рассказ о ввозе в Индию верховых лошадей из Восточной Европы и Передней Азии. В конце XIII — начале XIV века в Индию только из Фарса ежегодно ввозили до десяти тысяч коней. Столь боль-

шие размеры этого вида индийского импорта объяснялись в первую очередь потребностью армии. В самой же Индии не практиковалось разведение лошадей, видимо, в связи с трудностями ухода за ними и отсутствием необходимого корма. Многие средневековые путешественники упоминают о массовом падеже лошадей. Марко Поло и Афанасий Никитин объясняют это неблагоприятными климатическими условиями. Верховых лошадей привозили обычно из Южной Аравии и Фарса, боевых, предназначенных для тяжело вооруженной конницы — из Золотой Орды. Эта торговля приносила купцам громадные барыши: если татарская лошадь в Золотой Орде стоила восемь — десять серебряных динаров, то в Индии ее стоимость составляла от ста до пятисот динаров, а в отдельных случаях и выше. Купец-мусульманин привозил в среднем сто-двести лошадей, заплатив 2,5 процента их стоимости в качестве пошлины. С купцов-немусульман брали пошлину размером в десять процентов стоимости товара. Сообщения Ибн Баттуты о ввозе коней в Индию подтверждают европейские путешественники того времени (Марко Поло, Вартема⁴, Чезаре Фредерико⁵ и др.). А Афанасий Никитин даже имел возможность лично убедиться в спросе на лошадей в Индии: коня, купленного в Ормузе, он с большой выгодой продал в Индии.

Не менее интересными представляются и упоминания Ибн Баттуты о завийя — постоянных дворах для мусульман, существование которых, видимо, в значительной мере способствовало совершению столь продолжительных путешествий. Завийя были во всех мусульманских странах и находились в ведении духовных лиц (шейхов). На их содержание выделялись специальные средства. Путник мог остановиться здесь, получить ночлег и пищу, которую приготавливали невольники, содержащиеся при завийя. По крайней мере в течение трех дней путник мог пользоваться услугами постоялого двора бесплатно. Аналогичные заведения существовали и в Индии, где они часто разделялись на мусульманскую и индуистскую половины. Афанасий Никитин, останавливавшийся в завийя, сообщает любопытную подробность: «...есть варят на гости господарыни, и постелю стелють, и спать с гостьми»⁶. Хотя в другом месте Ибн Баттута и отмечает, что проституция в Индии не считалась позорным занятием, но это, видимо, относится к так называемым «девадаси» — храмовым служительницам⁷.

Служба у делийского султана продолжалась вплоть до 1342 года, когда Ибн Баттута отправился во главе посольства Мухаммед-шаха в Китай. Так и не выполнив возложенную на него миссию из-за невозможности добраться до Китая сухим путем, Ибн Баттута снова начал вести ставшую уже привычной для него жизнь странника.

В течение последующих нескольких лет он обошел, пожалуй, большую часть Индостана, неоднократно плывал вдоль его берегов. Предыдущие путешествия проходили, в основном, без особых приключений, поскольку Ибн Баттута находился среди мусульман, то есть в обществе, хорошо ему знакомом и близком. В Индии же ему пришлось столкнуться прежде всего, как он пишет, с «язычниками», нравы и обычаи которых не были ему знакомы. Да и вообще в Индии все не было похоже на то, что он видел раньше, — чрезвычайно влажный климат, обильная и богатая флора, удивляющая разнообразием фауна. Определенные трудности создавало и незнание местных языков: если в мусульманском Дели он мог общаться с помощью арабского или персидского, то в Южной Индии эти языки уже почти не имели распространения. Таким образом, контакты с «язычниками» становились весьма затруднительными.

Еще до отъезда из Дели, после посещения Ибн Баттутой некоего отшельника шейха Сахаб ад-Динна, жившего в пещере неподалеку от столицы, у него начались злключения. Ходили слухи, что отшельник сам выкопал для себя эту пещеру, и Ибн Баттута не мог удержаться, чтобы не осмотреть ее. Но вскоре шейх попал в немилость к султану и оказался в тюрьме. Вслед за ним под стражу попали и все, кто посещал его, в том числе и Ибн Баттута. «Султан приказал четырем рабам сторожить меня. Если он бывал недоволен кем-либо, то этот человек редко оставался в живых...» Впрочем, после смерти шейха, последовавшей через две недели, султан выпустил Ибн Баттуту из-под стражи.

Вскоре после неудачной попытки достичь Китая приключилась еще одна неожиданность: наш марокканец был пленен буддистами, но смог спастись бегством. Совершив несколько морских путешествий вдоль Малабарского берега и ряд сухопутных поездок, Ибн Баттута довольно подробно ознакомился с прибрежными районами Индии от Камбея до Каликута. «Малабар расположен

между Синдапуром и Каулемом и простирается на расстоянии в два месяца пути. Дорога идет все время под тенью деревьев»⁸. Далее Ибн Баттута вновь сообщает о завийях — постоянных дворах, уточняя, что они представляют собой деревянные дома с нарами, которые занимают путники, как мусульмане, так и неверные. Вдоль дороги из Синдапура в Каулем Ибн Баттута не заметил ни одного участка неводеланной земли. Каждый дом окружен хорошо обработанным садом. «Местные жители путешествуют обычно в паланкинах, которые несут на плечах рабы или слуги. Не имеющие паланкинов ходят пешком независимо от занимаемого ими положения».

Особое внимание наш путник обратил на безопасность этой дороги. Местные жители чрезвычайно сурово карали виновных в краже: «...индийцы убивают всякого, кто попытается украсть даже один орех...» В городе Факанауре он наблюдал весьма своеобразный способ получения пошлины с проходящих мимо кораблей: если корабль не становился на якорь, чтобы поднести подарки правителю города, жители догоняли его на своих судах и приводили в порт. Затем, наложив двойную пошлину, не выпускали в течение длительного времени. Неподалеку от Каулема Ибн Баттута побывал в небольшой колонии иудаистов, живших в горном поселке: «они платят подушную подать султану Каулема, а возглавляет их эмир из их же среды. Здесь по берегам реки растут только коричневое и красное дерево, которые они используют в качестве дров. Из них и мы разводили огонь для приготовления пищи в пути»⁹.

Именно на Малабарском побережье расположились крупнейшие индийские порты, связывавшие страну с Ближним Востоком и Китаем. Во многих городах имелись арабские торговые фактории, а в Каликуте арабы имели столь большое влияние, что в их руках фактически находилась почти вся торговля, судостроение и мореходство. Все арабские суда, следовавшие дальше на восток, обязательно делали остановку в Каликуте. Здесь Ибн Баттута видел не только арабские, но и китайские корабли. Он сообщает о тринадцати виденных им здесь китайских джонках. Беседы с моряками, плававшими в Китай, побудили его снова попытаться достичь этой страны, на сей раз уже морским путем. Но, увы, эта попытка кончилась еще более неудачно, чем предыдущая. Корабль, на котором собирался плыть Ибн Батту-

та и уже погрузил на него все свое имущество, потерпел крушение, причем в тот момент, когда сам он пребывал на берегу. Таким образом, путешествие вновь не состоялось, а путешественник потерял все, что у него было накоплено для поездки в Китай.

Это бедствие вынудило его временно отказаться от дальнейших длительных путешествий, и он отправился через Каулем в Хинаур, поступил на службу к тамошнему правителю и вскоре даже принял участие в покорении Синдапура, предпринятом хинаурским султаном. Поправив несколько свои финансовые дела, наш неутомимый странник снова прибыл в Каликут, а оттуда «решил предпринять путешествие на Мальдивские острова, о которых много слышал»¹⁰. Здесь он пробыл около полутора лет, выполняя обязанности судьи. Эта часть путешествия представляется нам весьма важной, поскольку Ибн Баттута, пожалуй, первым оставил подробное описание Мальдивских островов. Показательно, что первый европейский перевод отдельных частей «Подарка созерцающим...» содержал именно раздел о Мальдивах (наравне с персидским и африканским маршрутами). «Мальдивские острова являются одним из чудес света. Их около двух тысяч... острова расположены так близко, что кроны пальм на соседних из них касаются друг друга...»

У каждого автора всегда есть какой-то свой «конек» — наиболее увлекающий его мотив, к которому он неоднократно возвращается по мере развития повествования. У Ибн Баттуты две излюбленные темы, и обеим уделено значительное место во всех описаниях. О первой мы уже упоминали — святые места с их достопримечательностями, отшельники, шейхи и всё, так или иначе связанное с исламом. Вторая тема, обычно уступающая место первой по объему, но также присутствующая в описаниях всех мест, посещенных Ибн Баттутой, — это прекрасный пол. В какой бы стране ни был наш марокканец, он обязательно отмечает достоинства и недостатки местных женщин. На основе его рассказов и отдельных метких и образных замечаний можно было бы составить своеобразную энциклопедию, повествующую о женщинах Востока. Здесь мы нашли бы сведения самого различного свойства — от внешности и одежды до темпераментов и национальных характеров. Со свойственной ему живостью и непосредственностью восприятия Ибн Баттута искренне восхищается женщинами там, где

находит их лица прекрасными, фигуры стройными, а манеры — приятными, и так же искренне сетует, когда женщины посещенной страны или города некрасивы.

Рассказывая о жизни местных жителей, их нравах и обычаях, Ибн Баттута несколько страниц посвящает мальдивским женщинам, их одежде, внешности, занятиям. Подробно описан им и главный город — Мале с его достопримечательностями. «Дома их [жителей островов] построены из дерева, — пишет он, — пол укладывают высоко над землей, чтобы предохранить его от отсыревания... Дома строят там таким образом: берут обтесанные каменные блоки, каждый из которых имеет два или три локтя длиной, ставят один на другой рядами, а на них устанавливают столбы из кокосовых пальм. Потом возводят стены... В передней части дома строится комната, в которой хозяин принимает гостей... она имеет двое дверей — через одни входят гости, другие ведут внутрь, и через них входит хозяин дома». Интересно сообщение Ибн Баттуты о том, что основной пищей жителей островов служит рыба, которую перед употреблением сушат особым образом. Эту сушеную рыбу в большом количестве вывозили с Мальдивских островов в Индию, Китай и Йемен.

С Мальдивских островов путь лежал на Цейлон. С этим островом, являвшимся важнейшим перевалочным пунктом на морском пути из Аравии в Китай, арабы были знакомы уже давно¹¹. Еще в III веке до нашей эры здесь проходила морская дорога из Индонезии на Мадагаскар, а арабы попали сюда не позже начала нашей эры. Для местных жителей они были неразрывно связаны с морем, педаром их на Цейлоне называли «жителями моря». В гаванях Цейлона арабские корабли грузились жемчугом, золотом, драгоценными камнями, чаем. На остров ввозили металлические изделия, одежду, вино, рис. Одну из главнейших статей дохода морских торговцев составляла работорговля. Черных невольников везли из Восточной Африки в порты Аравии, а оттуда уже переправляли на Цейлон.

О богатстве этого острова было известно далеко за его пределами. В письме одного из правителей Цейлона, направленном в 1283 году египетскому султану Калауну, говорилось: «...я обладаю несметным количеством жемчужин и разных драгоценных камней. У меня есть корабли, слоны, муслин и изделия из дерева бакам, а также

корица и другие товары, которые доставляют нам индийские купцы... Я обладаю двадцатью семью замками, сокровищницы которых наполнены различными драгоценными камнями. Добыча жемчуга составляет часть моих доходов...»¹²

Ибн Баттута действительно увидел на Цейлоне множество драгоценных камней: «На лбу белого слона я видел семь рубинов, каждый из которых был больше куриного яйца, а у султана Аири Сакарвати — ложку из драгоценного камня величиной с ладонь, в которой находилось масло алоэ. Я был очень удивлен, но он сказал мне: «Есть у нас вещи и большей величины». Ему вторят и другие средневековые путешественники, побывавшие на Цейлоне. «Самый красивый в свете рубин у здешнего царя, — пишет Марко Поло, — такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиной с человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь без всяких крапин, и красен, как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить...»¹³

«А Цейлон же есть немалая пристань Индийского моря, — сообщает нам Афанасий Никитин, — да около него [Адамова пика] рождаются драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, хрусталь...»¹⁴

В тексте Ибн Баттуты есть упоминание о произрастающей на Цейлоне корице. Подобных сообщений не встречается ни у современных ему путешественников, ни у более ранних. «...Все побережье Цейлона покрыто стволами коричневого дерева, которые приносят горные реки. Великое множество стволов громоздится у берега. Жители Маабара¹⁵ и Малабара берут их на дрова и ничего за это не платят, только преподносят султану ткани для одежды в качестве ответного подарка...»¹⁶ Не менее удивительной была здесь и фауна. Так, наш путешественник с интересом описывает «летающих пиявок», которые якобы водятся на деревьях или в высокой траве около воды и бросаются на людей. Впиваясь в тело, они высасывают большое количество крови. Единственным оружием против этих пиявок служит лимонный сок. Но, пожалуй, наиболее сильное впечатление на Ибн Баттуту произвело восхождение на гору Серендиб или Адамов Пик, на вершине которой он смог лично увидеть «...след ноги нашего глубоководного отца Адама». На одном из ее склонов было вырублено подобие ступеней, по бокам которых на железных стержнях были укреп-

лены цепи. Эта дорога вела к высокой черной скале, на которой и находился «след Адама», длиной более полутора метров и шириной около восьмидесяти сантиметром. Созданный природой гигантский «след» издавна привлекал на Адамов Пик массу паломников различных вероисповеданий — мусульман, буддистов и индуистов.

С Цейлона Ибн Баттута снова возвратился на Малабарский берег, попав при этом еще раз в кораблекрушение, довольно длительное время жил сначала в Мадуре, а затем в хорошо знакомом ему Каулеме. Во время плавания из Каулема в Каликут судно, на котором находился Ибн Баттута, подверглось нападению пиратов. «Они яростно сражались с нами и одержали победу. Они отняли все, что у меня было и что удалось мне сберечь на черный день, забрали жемчуг и драгоценные камни, подаренные мне правителем Цейлона, платье и дорожные припасы, не оставив даже ничего из одежды, кроме штанов». В таком плачевном виде неутомимый путешественник прибыл в Каликут, а оттуда отправился на Мальдивские острова.

Раздобыв средства, он предпринял новое морское путешествие в Бенгалию, продолжавшееся около полутора месяцев.

За время недолгого пребывания в Бенгалии Ибн Баттута со свойственной ему наблюдательностью подметил наиболее характерные черты в жизни этой страны. Чрезвычайно ярко и правдиво описаны им крайняя нищета и бедственное положение населения: «Нигде во всем мире не видел я более низких цен, чем здесь, и тем не менее это страна несчастья; жители Хорасана называют ее «адам, полным богатств»». Приведены интересные сведения о ценах на различные товары. Так, если в Бенгалии содержание троих взрослых людей составляло восемь дирхемов в год, то в Дели на эту же сумму можно было купить лишь немногим более трех килограммов неочищенного риса. «За один золотой динар предлагали очаровательную молодую рабыню. Почти за эту же цену я сам купил молодую рабыню поразительной красоты... а один мой товарищ приобрел молодого красивого раба за два динара».

«Есть в Бенгалии благородный владыка султан Фахр ад-Дин, который охотно принимает у себя чужеземцев, в особенности дервишей и суфиев, — продолжает

рассказ Ибн Баттута. — Но я не смог посетить султана, так как он в то время взбунтовался против правителя Индии. Опасаясь последствий, я был вынужден покинуть страну и отправиться в направлении гор Камару, которые протянулись до Китая и граничат со страной Сабат».

Это кратковременное путешествие представляет значительный интерес. Горы Кхаси (Камару у Ибн Баттута) расположены у границы Тибета (Сабат у Ибн Баттута). Этот район, населенный племенами таи и шан, и по сей день еще недостаточно исследован. Поэтому каждое сообщение очевидца, побывавшего там, тем более в средние века, имеет большое значение. По другим источникам нам известно, что арабы были знакомы с горами Кхаси благодаря вывозившемуся оттуда алоэ. Ибн Баттута дополняет эту информацию, сообщая, что в Камару водятся мускусные олени, а жители похожи на турок. По его словам, отличительной способностью местных жителей является необыкновенная работоспособность. Кроме того, им приписывали и еще целый ряд других необычных качеств, в частности, чародейские способности...

После путешествия в горы Кхаси Ибн Баттута сел на корабль, отплывавший на Суматру. Так закончились его многолетние странствования по Индии и начался новый этап путешествий, связанный в основном с плаваньями на кораблях.

На краю известного мира

Китай считался в арабских странах самой отдаленной страной известного мира. Арабы, несомненно, с давних времен установили с ним контакты. Об этом свидетельствует уже само арабское название китайцев — сын, происходящее от названия династии Цинь, правившей в III веке до нашей эры. На арабской карте-схеме VII века, изображавшей землю в виде птицы, раскинувшей крылья, Китай располагался на самом краю в восточной части карты.

Арабское посольство в Китай было отправлено в середине VII века. В следующем столетии зафиксировано уже три посольства. В это время соединенный арабо-персидский флот захватил китайский город Гуанчжоу (долгое время носил название Кантон), ставший впоследствии одним из крупнейших мировых портов. В пери-

од с X по XIII век Китай посетило уже свыше двадцати арабских посольств. К этому времени арабские торговые колонии существовали во многих крупных городах страны — в Гуанчжоу, Зейтуне, Ханфу и других.

Колонии имели свой особый статус, утвержденный китайским императором. Император определял и режим торговли — так, арабы имели право торговать только в конце лета. Многие, однажды приехав сюда, оставались на постоянное жительство. Среди них встречались иногда люди, попавшие в столь отдаленные от родины места в силу своих религиозных или политических взглядов.

В Китае существовали специальные законы о путешественниках, которые одновременно и защищали их и обеспечивали надзор за ними. Всякий иностранец, передвигавшийся из одного города в другой, должен был иметь при себе два пропуска: один от правителя области, в которой он проживал, а другой от чиновника, ведавшего торговыми делами. Вообще бюрократический аппарат, сложившийся в Китае к XIV веку, представлял весьма своеобразную картину. Во второй половине XIII века в стране утвердилась монгольская династия Юань, правившая вплоть до 1368 года. Монгольские правители оставили старую систему управления и администрации, отстранив, однако, с крупных постов китайских чиновников. Поскольку сами завоеватели в силу неподготовленности к выполнению подобных функций не могли обеспечить работу разветвленного бюрократического аппарата, то для этой цели стали в самых широких масштабах использовать иноземцев, в том числе и выходцев из европейских стран. В результате в страну хлынул поток иностранцев — купцов, дипломатов, путешественников и просто искателей приключений. Именно к этому времени относится многолетнее пребывание в Китае и служба при дворе хана Хубилая венецианца Марко Поло, а также и ряда других европейцев, оставивших подробные описания этой страны (Джованни Монтекорвино, Одорико из Порденоне и другие) ¹.

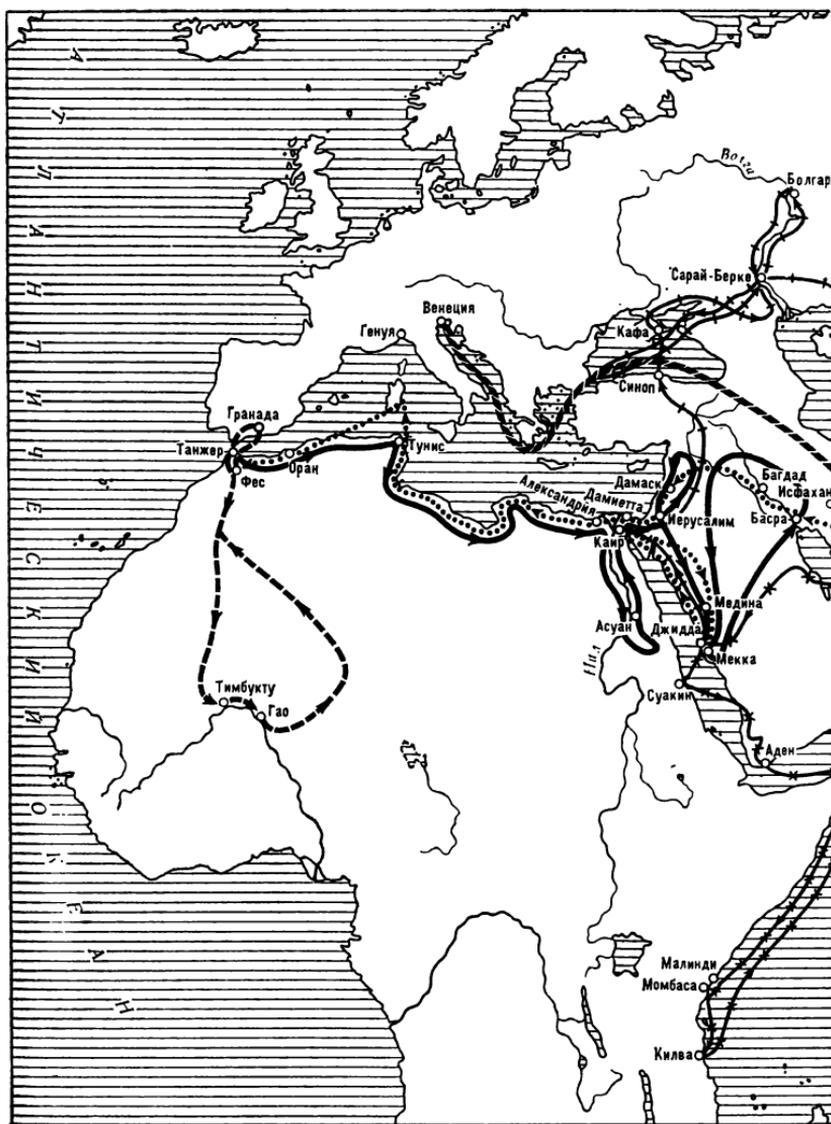
Обычно морской путь в Китай, по которому плыл и Ибн Баттута, проходил вдоль западного побережья Малакки, затем, минуя Малаккский пролив, в город Палембанг на Восточной Суматре, и далее — устье реки Меконг, остров Пуло-Кондор, страна Чампа (Тьямпа) в Восточном Индокитае, Ханой и, наконец, Гуанчжоу, Зейтун. Относительно этого участка путешествия существует

много разногласий среди исследователей. Вызваны они прежде всего рассказом Ибн Баттуты о стране Тавалиси. Некоторые считали эту страну просто вымыслом, предлагая искать ее «в тех частях атласа, которые содержат морские карты блаженной памяти капитана Гулливера»². Другие пытались идентифицировать ее с различными районами Юго-Восточной Азии. Однако сейчас существуют достаточно убедительные свидетельства того, что под Тавалиси Ибн Баттута подразумевал Чампу — страну на восточном побережье полуострова Индокитай³.

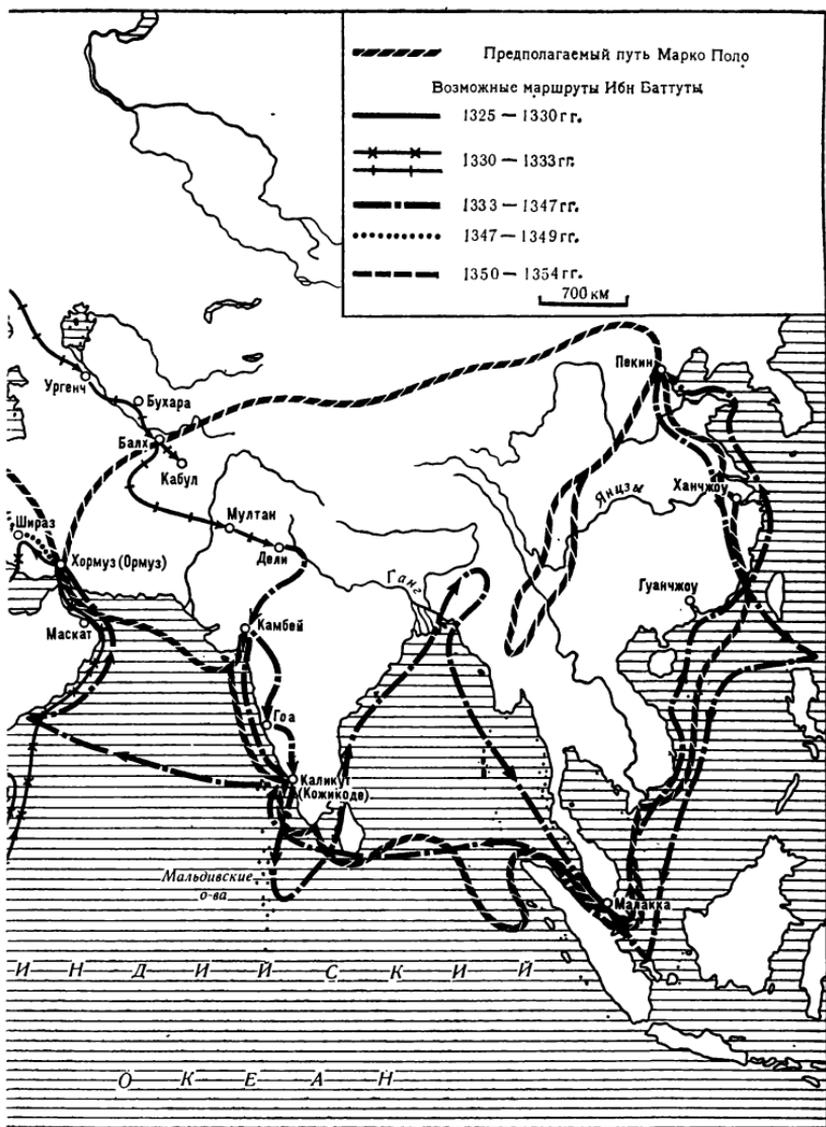
Итак, после пребывания в течение нескольких месяцев в Индокитае, скорее всего в Чампе, Ибн Баттута сел на китайскую джонку и прибыл на ней в Зейтун. Пробыв там некоторое время, он совершил недолгую поездку в Гуанчжоу, затем снова вернулся в Зейтун и оттуда совершил путешествие через Ханчжоу в Пекин. Из Пекина на речных судах он вновь возвратился в Зейтун, завершив, таким образом, странствия по Китаю.

Зейтун (Цюаньчжоу), расположенный на западном берегу Тайваньского пролива, в средние века был важным торговым портом, через него проходил путь китайцев за границу и иностранцев — в Китай. Из арабских стран, Индии и Индонезии сюда привозили пряности, драгоценные камни, цветные металлы и другие предметы роскоши, вывозили местные изделия кустарной промышленности, некоторые сельскохозяйственные продукты. «Порт Зейтуна один из крупнейших в мире, вернее самый крупный,— пишет Ибн Баттута.— Я видел в нем около ста больших джонок, не считая бесчисленного количества маленьких»⁴.

Характер морской торговли Зейтуна подробно описывает Марко Поло: «...приходят туда суда из Индии с разными дорогими товарами, со всякими дорогими камнями, с крупным и отличным жемчугом... И приходит сюда, и вывозится отсюда множество товаров и камней. Смотришь и удивляешься. Отсюда, из этого города и из этой пристани, они расходятся по всей области. На каждое судно с перцем, что приходит в Александрию или другое место, для христианских земель — в это пристанище Айтон, скажу вам, прибывает сто. То, знайте, самое большое в свете пристанище; товаров приходит сюда всего больше»⁵. Далее он сообщает, что пошлина в Зейтуне составляет десятую часть стоимости товара, а

Возможные маршруты Ибн Батути

и Марко Поло

за фрахт взимается от тридцати до сорока четырех процентов. Его рассказ дополняет Одорико, проживший в Китае с 1318 по 1325 год: «Он избилует всеми необходимыми человеку вещами: менее чем за полгроша там можно получить, например, четыре фунта и восемь унций сахара. Город этот весьма красив и построен на море; он вдвое больше Рима, и там есть монастыри, в которых все монахи идолопоклонники...»⁶ В Зейтуне жили не только «идолопоклонники», там была обширная мусульманская колония, а с 1323 года и до конца XIV века функционировало даже католическое епископство. О последнем нам сообщает некто Андрей из Перуджи, епископ Зейтуна, в письме к общине францисканского монастыря в Перудже, написанном в 1327 году: «Есть здесь близ океана большой город, который на персидском языке называется Зайтоном, и в этом городе одна богатая армянская госпожа построила большую красивую церковь, которая по указанию самого архиепископа была сделана кафедральной»⁷.

Рассказывая о посещении Зейтуна, Ибн Баттута подробно останавливается на описании китайских морских судов. По его сообщениям, на борту каждого из крупных военных кораблей находилось до тысячи человек: шестьсот человек команды и четыреста солдат. В море такой корабль сопровождали три посыльных судна. Далее он сообщает, что эти суда имеют по четыре палубы и от трех до двенадцати парусов, сделанных из тростниковых циновок. На каждом имеются специальные помещения для купцов. Корабельные весла столь огромны, что гребут каждым из них по тридцать человек. Размерами китайских судов изумлялись и другие путешественники. Так, уже известный нам Одорико пишет, что в Кантоне ему довелось видеть столь большие суда, что это кажется просто невероятным.

Средневековый Китай действительно обладал флотом, который вполне заслуживал столь лестные отзывы. Известно, что, например, в знаменитой экспедиции Чжэн Хэ (начало XV века) участвовало шестьдесят три корабля и двадцать семь тысяч восьмьсот восемьдесят человек. Он же водил эскадры до ста кораблей через все моря, омывающие Южную Азию⁸. В этой связи интересно привести некоторые цифры, относящиеся к европейским плаваниям эпохи Великих географических открытий, которую отделяет почти два столетия от времени Ибн Бат-

туты. Так, во второй экспедиции Колумба насчитывалось семнадцать кораблей и полторы тысячи участников; Магеллан начал свое кругосветное плавание с пятью кораблями, на которых было триста шестьдесят пять человек.

Итак, Ибн Баттута покинул Зейтун и отправился на север Китая, посетив все крупнейшие города прибрежной части страны. В целом это путешествие не произвело на него такого впечатления, как, скажем, странствия по Ирану или Индии. «Китай мне не понравился, хотя в нем и есть много прекрасного,— сетует он.— Я был очень опечален царящим там неверием... Если я встречал там мусульманина, то радовался встрече с ним, как с членом своей семьи или родственником...»⁹. Тем не менее он остается все тем же «пытливым странником», со свойственной ему наблюдательностью подмечает особенности жизни страны. Обращает внимание его рассказ о своеобразном «социальном обеспечении» в Китае, характеризующий отношение к старикам. По его сообщению, каждый житель страны, достигнувший пятидесятилетнего возраста, может больше не работать и получать государственное содержание. Достигшие же шестидесятилетнего возраста в правовом отношении приравниваются к детям: на них уже не распространяются законы о наказаниях за различные правонарушения.

Последним крупным городом, посещенным Ибн Баттутой на дальневосточном участке его путешествия, был Пекин — столица империи великого хана. Император Хубилай, в правление которого в Китае жил Марко Поло, приказал разрушить старый Пекин (Дасин) и выстроить рядом с ним новый город — Даду, который в средневековье европейцы обычно называли Ханбалык. За несколько десятилетий до приезда Ибн Баттуты в жизни города произошло важное событие — было закончено строительство Великого канала, соединившего Пекин с южными районами страны. Наш марокканец видел эту водную магистраль и даже совершил по ней путешествие. Великий канал был одним из самых грандиозных сооружений средневековья. По нему в Пекин доставляли рис и другие продовольственные товары, а оттуда в южные и центральные провинции везли различные ремесленные изделия. Товары везли на речных судах до Ханчжоу, а дальше по реке Янцзы. По каналу и рекам парусные и весельные суда с просторными каютами и палубами, вме-

щавшими до тысячи человек, совершали регулярные плавания в различные концы страны. Вдоль всего канала на расстоянии нескольких часов пути располагались селения.

В средневековом Китае большое развитие получили различные технические приспособления. Больших успехов китайцы достигли в области строительства водных сооружений. На каналах, например, существовали шлюзы с одними и даже с двумя воротами. Для искусственного орошения полей использовались водоналивные колеса и гидравлические насосы. От разливов рек и наводнений возделываемые поля были защищены тщательно продуманной системой дамб и плотин.

Путешественники, побывавшие в Китае, рассказывали удивительные вещи, которые обычно воспринимались современниками как сказки: в качестве топлива в этой стране использовали черные камни (каменный уголь), а для освещения — природный газ. «По всей области Китая есть черные камни, — пишет Марко Поло, — выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров, он продержится во всю ночь до утра. Жгут эти камни, потому что и дешево, да и дерева сберегаются»¹⁰.

Совершив путешествие на речных судах, Ибн Баттута снова прибыл в Зейтун, где «застал джонки, готовые плыть в Индию». На этой джонке он и покинул берега Китая. После десяти дней плавания судно вышло в незнакомое нашему путешественнику море, по которому пришлось плыть в течение сорока двух дней, так как ветер не позволял изменить курс. Вероятно, команда была более осведомлена об этой части моря, поскольку дальше Ибн Баттута сам указывает, что матросам было известно об отсутствии каких-либо земель вблизи их маршрута. «На рассвете сорок третьего дня в море на расстоянии около двадцати миль появилась гора, на которую нас гнал ветер. Матросы говорили в удивлении: «Мы находимся вдали от земли и здесь нет никаких скал. Мы погибнем, если ветер погонит нас туда»»¹¹. Наконец ветер начал стихать и при восходе солнца путешественники увидели, что гора оторвалась от поверхности моря и поднялась высоко в воздух, а в образовавшемся промежутке блеснул дневной свет. Матросы в отчаянии начали плакать и прощаться друг с другом, уверяя, что за горю они в темноте приняли птицу Рух, которая, увидев

корабль, непременно его погубит. Когда до горы-птицы оставалось менее девяти миль, ветер неожиданно изменил направление и увлек корабль в противоположную сторону от «ужасной птицы».

Представление о гигантской птице Рух было широко распространено во многих странах Востока, в особенности среди моряков. Кажущееся на первый взгляд фантастическим, оно в действительности имеет под собой реальную основу. На острове Мадагаскар водилась гигантская птица воромпатра, о которой сообщали многие европейские путешественники начиная с XVIII века. Еще в конце прошлого столетия местные жители острова уверяли, что эта птица, размером чуть-ли не со слона, живет где-то в непроходимых зарослях. Поскольку арабы регулярно совершали плавания на Мадагаскар, то вполне вероятно, что рассказы о воромпатре и послужили сюжетом для сказок о птице Рух. О гигантской птице, обитающей на Мадагаскаре, подробно рассказывает Марко Поло: «...есть там птица гриф, появляется в известное время года, и во всем гриф не таков, как у нас думают и как его изображают; ...он совсем как орел, но только, говорят, чрезвычайно большой... схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх, на воздух, а потом бросит его на землю... если он расправит крылья, так тридцать шагов, а перья в крыльях двадцати шагов...»¹² Интересно, что Ибн Баттута, который вообще был склонен принимать на веру фантастические сведения, отнесся довольно сдержанно к сообщению матросов о птице: «Больше мы ее не видели, так и не узнав, что же это было в действительности»¹³. Это, несомненно, говорит в пользу достоверности рассказов Ибн Баттуты и опровергает мнение некоторых исследователей, подвергавших его сообщения сомнению и пытавшихся представить главы о путешествии в Китай как почти сплошной вымысел или просто собрание малоправдоподобных рассказов, услышанных автором от моряков и купцов. Явление, свидетелем которого был наш путешественник, вполне поддается научному объяснению. Если гору матросы увидели уже после восхода солнца, а не до, как это описано у Ибн Баттуты, то они имели дело с явлением фата-морганы. Возможно, это был и обман зрения — люди в утреннем полумраке приняли облако за гору. О подобном оптическом эффекте сообщают многие путешественники.

Французский исследователь М. Валькенер, а вслед за

ним немецкий ученый Р. Хенниг обратили внимание на один интересный факт в описании плавания Ибн Баттуты из Китая: «Ибн Баттута сообщает в одном месте своего труда, что он целых тридцать четыре дня плыл по совершенно спокойному морю. Речь в этом месте шла о водах Тихого океана, и поэтому мы можем предположить, что это название величайшего из океанов земного шара, которое, как полагают, дал ему Магеллан, не было чуждо и арабам»¹⁴.

Спустя два месяца после выхода из Зейтуна корабль, на котором плыл Ибн Баттута, достиг Суматры. Пробыв там около двух месяцев, он сел на другое судно и через сорок дней плавания был уже в Каулеме. Оттуда он добрался до Каликута и еще через двадцать восемь дней, весной 1347 года, прибыл в аравийский порт Зафар. Дальнейший его путь пролегал по знакомым ему местам через Иран, Месопотамию, Сирию и Египет в Мекку. Совершив четвертое паломничество, он отправился в Палестину, где оказался свидетелем ужасной эпидемии чумы 1348 года. Здесь, видимо, до него дошли слухи о тех благоприятных переменах, которые произошли на его родине — о расцвете Марокко в правление султана Абу Инана. Уже в апреле 1349 года сильное желание увидеть родные места побудило Ибн Баттуту пуститься в обратный путь. Дойдя до Туниса, он несколько изменил маршрут, не удержавшись от соблазна побывать на острове Сардиния, находившемся тогда под властью короля Арагона. Это небольшое путешествие окончилось довольно печально — нападением пиратов и очередным ограблением нашего странника. Вернувшись снова на африканский берег, он благополучно добрался через Тлемсен в Тазу, где услышал известие о смерти матери, а оттуда, в ноябре 1349 года, — в Фес.

«Открытие» Ибн Баттуты

Вернувшись из своего последнего путешествия, Ибн Баттута остался на службе у султана Абу Инана. Во время продолжительных странствий он, вероятно, не вел систематических записей, а отдельные пометки, сделанные им, неизбежно должны были погибнуть во время одного из кораблекрушений или нападения пиратов. Его устные рассказы при дворе султана представляли собой отдельные, наиболее красочные и интересные эпизоды путешествий и целиком основывались на памяти. Но вскоре по-

следовало указание султана, «чтобы он продиктовал об увиденных им на пути городах и то, что запомнилось ему из интересных эпизодов, чтобы он рассказал о том, с кем из правителей страны, их лучших ученых и почитаемых святых он встречался. И он продиктовал все, что могло быть развлечением для умов и радовать слух и сердце»¹.

Диктовал он уже знакомому нам Ибн Джузайе, который к этому времени также оказался на службе у Абу Инана. Ибн Джузайя был типичным придворным литератором того времени. Он любил утонченный, вычурный стиль придворных произведений, витиеватые, цветистые фразы. Продолжительная канцелярская служба при дворе правителя Гранады приучила его писать книжным языком, пользовавшимся тогда большой популярностью. Закончив запись повествований Ибн Баттуты, в декабре 1355 года он приступил к их обработке: объединил разрозненные рассказы в единое литературное произведение, основательно отредактировал его, стремясь к «очистке речи и ее исправлению ... дабы увеличилась польза от жемчужины при отделении ее от раковины», и снабдил своими пояснениями непонятные места. Для придания большей привлекательности произведению он еще включил в него солидные отрывки из другого средневекового труда, не сославшись, однако, на источник, добавил цитаты из различных поэтов. В результате спустя три месяца после начала работы на свет появилось объемистое сочинение, многие места которого написаны в утонченном стиле с растянутыми описаниями и иногда с почти рифмованными частями. К счастью, Ибн Джузайе далеко не везде удалось выдержать свой стиль. В большей части книги звучит живое, богатое подробностями повествование самого автора. Близкий к разговорному, простой язык Ибн Баттуты звучит резким контрастом напыщенному изложению его редактора.

Книга путешествий Ибн Баттуты, получившая название, вполне соответствующее ее форме — «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий», была воспринята современниками довольно критически. На это указывает осторожное замечание Ибн Джузайи о том, что он передал все, что было ему продиктовано, «и не занимался выяснением истинности или проверкой» сказанного Ибн Баттутой. Интересные подробности сообщает Ибн Халдун, который был лично зна-

ком с нашим путешественником. «Приехал в Мигриб один человек, известный под именем Ибн Баттуты. Он рассказывал об обстоятельствах своего путешествия, какие диковинки он видел в странах земли. Больше всего он рассказывал про государство владетеля Индии и приводил такие случаи, что слушатели дивились, вроде того, что, когда царь Индии отправляется в путешествие, он подсчитывает жителей своего города — мужчин, женщин и детей и назначает им пропитание на шесть месяцев, которое выдается из его пожалования. А когда он возвращается из путешествия, то въезжает в торжественный день. Все люди выходят на равнину перед городом, окружают его, а перед ним на этом параде ставят баллисты, которые кидают людям мешки с дирхемами и динарами, пока он не войдет в свой дворец. Он рассказывал подобные истории так, что люди стали поговаривать о его лживости. Я встретил в те дни везира султана и беседовал с ним по этому поводу. Я высказал неодобрение рассказам этого человека, так как среди людей распространилось мнение о его лживости. Везир мне сказал: «Остерегайся отрицать подобные обстоятельства в государствах, так как ты сам их не видал: ты окажешься, как сын везира, который вырос в тюрьме. Было так, что султан заточил одного везира и он пробыл в тюрьме годы, воспитывая сына в этом заключении. Когда тот вырос и стал разумным, то спросил о мясе, которым питался. Отец сказал ему: «Это мясо барана». Тот спросил: «А что такое баран?» Отец описал ему со всеми признаками и свойствами, а тот говорил: «Отец, это, видишь-ли, вроде крысы». Тот отрицал и говорил: «Где баран и где крыса!» Так же было и с мясом верблюда и коровы, так как он в своем заключении не видел других животных, кроме крыс, и думал, что все они из породы крыс». Часто случается с людьми в сообщениях, что постигает соблазн добавить с намерением удивить. Пусть же человек владеет самим собой и различает природу возможного и недопустимого чистым разумом. То, что входит в пределы возможного, пускай он принимает, что выходит из них, отвергает»².

Приведенный отрывок является, пожалуй, единственным упоминанием современников об Ибн Баттуте. Вскоре о его сочинении забыли. Более поздние арабские авторы почти не упоминают о нем. В XVII веке неким ал-Байлуни было сделано сокращение «Подарка созерцаю-

шим...», которому и обязана Европа первым знакомством с Ибн Баттутой. В 1808 году немецкий путешественник Ульрих Гаспар Зеетцен — неутомимый исследователь Ближнего Востока обнаружил рукопись ал-Байлуни и сразу же оценил ее огромное значение. Спустя несколько лет его соотечественник Иоганн Людвиг Буркхардт, отправившийся на Восток по поручению Британского африканского общества, открыл еще один список того же сокращения. С этого времени труд Ибн Баттуты стал доступным исследователям: первая рукопись попала в библиотеку Готы в Германии, вторая — в Кембриджский университет в Англии. Изучением текста, хранящегося в Готе, занялся немецкий востоковед Готфрид Козегартен, опубликовавший в 1818 году в Иене диссертацию «О магометанине Ибн Баттуте, арабе, танжерце и его путешествиях». В ней содержалась общая характеристика путешествий Ибн Баттуты и перевод отдельных частей его книги, относящихся к пребыванию путешественника в Персии, на Мальдивских островах и в Африке. Годом позже ученик Г. Козегартена перевел описания Малабарского берега Индии. Рукопись, попавшая в Кембридж была полностью переведена английским ученым С. Ли в 1829 году. В 1840—1855 годах в Лиссабоне был издан португальский перевод полного текста «Подарка созерцающим...». Он был выполнен Жузе Моура по рукописи, приобретенной в Фесе еще в конце XVIII века, но в течение нескольких десятилетий оставшейся неизвестной ученым. Работа Моура хотя и проделана в отличие от перевода Ли по полному тексту, не получила популярности в кругах востоковедов.

После взятия французскими войсками алжирского города Константины в 1873 году в Парижскую Национальную библиотеку было привезено сразу несколько рукописей полного текста Ибн Баттуты и среди них две содержали текст, записанный Ибн Джузайей. Вскоре французские ученые К. Дефремери и Б. Сангинетти сделали великолепный перевод «Подарка созерцающим...», который вместе с арабским текстом был издан в четырех томах в Париже в 1853—1858 годах³. Это издание и до настоящего времени является основным источником для работы исследователей Ибн Баттуты.

В последующие годы в различных странах было издано множество работ, посвященных исследованию путешествия Ибн Баттуты, его отдельных маршрутов, полные и

частичные переводы текста. Наибольший интерес представляют полный английский перевод под редакцией Х. Гибба ⁴ и сокращенное чешское (1961 года) и польское (1962 года) издания ⁵. На русском языке изданы отрывки «Подарка созерцающим...», относящиеся к Золотой Орде ⁶.

Арабский Восток вновь познакомился с Ибн Баттутой спустя пятьсот лет, благодаря перепечаткам с парижского издания 1853—1858 годов. В арабских странах стали появляться сокращенные и полные издания Ибн Баттуты, отдельные отрывки из его книги публикуются в различных сборниках, школьных хрестоматиях и даже учебниках. «Подарок созерцающим...» стал, пожалуй, одним из самых популярных средневековых трудов на арабском Востоке.

Как мы подчеркивали выше, сразу же после появления на свет «Подарка созерцающим...» мнения его читателей разделились. Одни из них выступали с резкой критикой, высказывая свое недоверие сообщениям автора. Другие же или относились довольно сдержанно, как это видно из приведенного выше замечания Ибн Халдуна, или (таких, видимо, было меньшинство) вполне верили Ибн Баттуте. Первые европейские исследователи отнеслись к его сообщениям с полным доверием, но вскоре оно сменилось потоком довольно резкой критики. Ставили под сомнение как отдельные рассказы, так и целые маршруты. Причиной служила прежде всего неразбериха в датах и географических названиях. И то и другое на наш взгляд вполне объяснимо, если учесть, что последовательность посещения тех или иных мест Ибн Баттута восстанавливал по памяти, спустя много лет. Названия, услышанные в странах, языков которых он не знал, вполне могли быть им искажены. Дополнительную путаницу внес и Ибн Джузайя. Особенно часто подвергают сомнению достоверность путешествия Ибн Баттуты в Китай. Эту точку зрения убедительно опроверг японский ученый Ямамото, тщательно проанализировавший китайский отрезок пути и пришедший к выводу, что «невозможно предположить, чтобы такие сообщения, которые согласуются с китайскими источниками или путешествиями Марко Поло или других, были сфабрикованы самим Ибн Баттутой» ⁷.

Наибольшей точностью отличаются описания тех участков путешествия Ибн Баттуты, которые он прошел не-

задолго перед тем, как начал диктовку Ибн Джузайе, прежде всего по Западному Судану. Интересно, что польские археологи, искавшие местонахождение столицы древнего Мали, руководствовались в первую очередь сообщениями Ибн Баттуты. Сообщения эти оказались настолько точными, что археологам удалось по ориентирам Ибн Баттуты отыскать целый ряд важных построек города и восстановить его прежний облик.

В настоящее время репутация Ибн Баттуты восстановлена благодаря многим исследованиям. Ни один ученый, занимающийся изучением средневековой Северной или Восточной Африки, не обходится без ссылок на его книгу. То же можно сказать и о работах по Золотой Орде, Средней Азии; Индии и так далее. Бельгийская арабистка Жаклин Пирен считает его и первым исследователем Аравии⁸. И действительно, европейцам ценой громадных усилий и даже жизнью удалось начать исследование Аравии лишь в XIX веке, между тем как прекрасное описание этого района, и прежде всего Мекки, было сделано Ибн Баттутой на пятьсот лет раньше.

И. Ю. Крачковский, суммируя все «за» и «против» Ибн Баттуты, пишет: «Судьба сделала из него географа, как сказать, волей-неволей и выработала в нем редкий для арабов тип путешественника ради путешествия, который обрек себя на скитания из неудержимой страсти к ним и любопытства... Интерес к местам у него был всецело подчинен интересу к людям, и, конечно, ни о каких изысканиях в области географии он не думал, но, может быть, поэтому его книга оказалась единственным в своем роде описанием мусульманского и вообще восточного общества в XIV веке. Это — богатая сокровищница не только для исторической географии или истории своего времени, но и для всей культуры той эпохи»⁹.

Соперник Марко Поло

Эпоха Ибн Баттуты была поистине замечательной для истории исследований Востока. На два столетия, со второй половины XIII по середину XV века, то есть время, предшествовавшее Великим географическим открытиям, приходится немало непревзойденных по широте географического охвата и историческому значению путешествий в страны Азии. Этому в известной степени способствовали объективные причины, и, в первую очередь, существование обширных государств на Востоке, объеди-

ненных в две громадные группы: арабо-мусульманскую — на западе и монгольскую — на востоке.

В середине XIII века папские послы добрались до монгольской столицы Каракорум. Последние десятилетия XIII века ознаменовались замечательным путешествием Марко Поло. В это же время побывал в Китае итальянский монах Джованни Монтекорвино, а в 1322—1328 годах Одорико из Порденоне. В начале XV века страны Ближнего Востока и Средней Азии посетило кастильское посольство во главе с Рюи Гонзалесом Клавихо. А во второй половине того же столетия совершил свое знаменитое «хождение» за три моря тверской купец Афанасий Никитин. К этому же периоду относятся и два величайших путешествия, предпринятые самими «жителями Востока» — плавание китайского флотоводца Чжэн Хэ и двадцативосьмилетнее странствие марокканца Ибн Баттуты.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что Ибн Баттута только по протяженности своих маршрутов занимает первое место в списке средневековых путешественников. За время странствий им было пройдено около ста двадцати тысяч километров по суше и по морю, причем по большей части в сопровождении гарема и каравана с товарами. Он посетил страны, расположенные на громадной территории, простирающейся от сорокового градуса северной широты до десятого градуса южной широты.

Сравнение Ибн Баттуты с Марко Поло не случайно. У них, действительно, много общего. И тот и другой совершили свои путешествия в эпоху существования обширных государств на территории Азии — Марко Поло умер в 1324 году, то есть за год до начала путешествия Ибн Баттуты. Оба они не вели записей во время странствий, а продиктовали воспоминания о них по возвращении на родину: марокканец — по приказу своего монарха, а венецианец — чтобы убить скуку во время пребывания в тюрьме¹. Странствия венецианца длились около семнадцати лет, марокканца — около двадцати восьми. Их сообщения о посещенных странах часто совпадают или дополняют друг друга. Иногда, впрочем, и противоречат. Это и не удивительно. Марко Поло много лет прожил в Китае, достаточно хорошо изучил и, пожалуй, понял эту страну. О странах, лежавших на его пути в Китай, он рассказывал по собственным впечатлениям, часто весьма мимолетным. Остальные же районы, о которых речь идет

в его книге, описаны с чужих слов, иногда малодостоверных.

Что же касается его марокканского собрата, то он значительно меньше принимал на веру рассказы фантастического содержания. Ибн Баттута описывал только то, что видел сам. С чужих слов он писал лишь «исторические экскурсы» и повествования о чудесах и жизни святых. В мусульманских странах, то есть на большей части маршрута, он был «своим» и, таким образом, мог правильно оценить и передать увиденное и услышанное. В Китае он пробыл недолго и не смог как следует разобраться в особенностях этой страны. Если Марко Поло мы можем назвать путешественником по владениям монгольских ханов, то Ибн Баттуте принадлежит описание всего мусульманского мира.

Таким образом, при сопоставлении путешествий Ибн Баттуты с «Книгой Марко Поло» явно обнаруживается превосходство первого над вторым. Арабский соперник Марко Поло проделал втрое большее расстояние, успев побывать в трех частях света и плавать по морям трех океанов.

Характер самих авторов представляется нам совершенно различным. Это нашло отражение в их манере повествования. Марко Поло спокойно констатирует увиденное или передает услышанное от других. Ибн Баттута как бы заново переживает все, что было им видно и слышано во время путешествий. Он не только сообщает информацию, но и воспроизводит те эмоции, которые были вызваны тем или иным событием. Если в «Книге Марко Поло» нарисованы картины далеких стран с их городами и достопримечательностями, то со страниц «Подарка созерцающим...» смотрят на нас то удивленные, то восторженные, то опечаленные глаза «очарованного странника», повествующего о людях, которых довелось ему увидеть. Он заставляет читателей радоваться вместе с ним великолепию городов и изобилию базаров, предаваться горести при виде бедных, разоренных стран, а иногда и улыбаться, читая немного наивные и восторженные рассказы о чудесах. Он не скупится на слова, описывая что-либо особенно поразившее его. Отдельные меткие и образные сравнения раскрывают несомненную способность нашего марокканца ценить прекрасное. «Город, не имеющий себе равных по красоте и величию, место встречи людей, идущих отовсюду, прибе-

жище слабых и сильных», — пишет он о Каире и добавляет далее, что город этот одновременно мрачен и весел, расчетлив и расточителен, бесчестен и благороден, богат и беден, прост и знаменит.

По живости и непосредственности восприятия Ибн Баттута скорее всего можно сравнить с Афанасием Никитиным. И марокканский и тверской купцы, несмотря на присущую им страсть к путешествиям ради путешествий, возвращаются на родину именно из-за неодолимой тоски по ней. Достаточно вспомнить, как Никитин сетует на неверие, царящее в Индии, а Ибн Баттута — в Китае. Оба они, несомненно, как нельзя лучше характеризуют свою эпоху, с ее взглядами и представлениями.

«Он предстает перед нами то в образе благочестивого паломника, то опытного купца, то чиновника, действуя в различных мусульманских странах, — пишет Р. Хенниг, — но ко всему этому Ибн Баттута был еще настоящим исследователем. Он жадно впитывал все впечатления и оставил нам, к счастью, очень подробный, можно даже сказать объемистый, труд, настоящую географическую сокровищницу. Ибн Баттута видел, пожалуй, в три раза больше чужих земель, чем Марко Поло... Труд этого путешественника стоит на недостижимой высоте и Ибн Баттута вполне заслуженно считается мусульманским Марко Поло»².

Отправляясь в путешествие, Ибн Баттута не ставил перед собой никаких научных целей. Руководил им прежде всего неукротимый интерес к тому, как живут люди в различных странах. Причем, этот интерес имел определенную направленность: только мусульманские страны. Учитывая, что ислам тогда был уже распространен в той или иной степени на значительной части Азии, а также в Северной, Западной и Восточной Африке и являлся также господствующей идеологией большого числа стран от Атлантического океана до западных границ Китая, можно сказать, что Ибн Баттута имел чрезвычайно широкий, практически почти не ограниченный ареал странствий. Во всяком случае, он охватил все мусульманские страны Азии и Африки.

Подобная направленность интересов Ибн Баттуты придает особую важность его путешествиям для современной науки. На страницах «Подарка созерцающим...» мы находим интереснейшие сравнения тех форм ислама, которые он принял в различных странах. Причем, срав-

нение это сделано человеком не случайным, а глубоко сведущим в мусульманской догматике. Наиболее ярко вырисовываются несколько аспектов сравнения, прежде всего в области мусульманского права и организации судопроизводства. Другой аспект — системы управления, административный аппарат и стили политического руководства. Хорошо знакомый с положениями ортодоксального ислама, Ибн Баттута сразу же подмечает все отклонения от канонов, принятых в Магрибе или Египте. Одним словом, все, что так или иначе связано с мусульманской религией, не ускользает от его внимания. На первое место он выдвигает обычно рассказы о святых, праведниках и т. п., среди которых мы находим важные биографические сведения о различных исторических личностях.

Важное место занимают также описания ритуалов, обрядов и праздников. Так, находясь в Каире, Ибн Баттута обратил внимание на то, что жители города очень любят устраивать пышные празднества. Сам он присутствовал однажды на одном из таких шумных торжеств, длившемся в течение нескольких дней. Весь город был украшен шелковыми тканями и разноцветными флагами — все это только лишь по случаю излечения египетского султана от перелома руки. Большую ценность представляют описания обрядов, связанных с паломничеством мусульман в Мекку.

Поскольку именно люди занимают у него центральное место во всех описаниях (в противоположность большинству других средневековых авторов), польский востоковед А. Зайончковский считает, что девизом путешествий Ибн Баттуты вполне можно принять арабское изречение: «Сначала сосед, а потом дом, сначала товарищ [по путешествию], а потом дорога»³.

Интерес к людям обусловил наличие другого важного аспекта изучения «Подарка созерцающим...». В книге достаточно отчетливо охарактеризованы некоторые элементы социальной структуры стран Востока. Описывая каждую страну, Ибн Баттута подробно останавливается на характеристике ее правителя, его ближайшего окружения, судей, рассказывает о функциях отдельных чиновников. Сообщает он и о различных группах и слоях общества и их взаимоотношениях. Будучи посторонним наблюдателем, он достаточно критически оценивает различные формы общественных и политических институтов.

Сведения об общественном устройстве дополняются

обширным материалом, характеризующим экономическое положение стран Востока. Ибн Баттута, как опытный купец, подмечает даже незначительные моменты, связанные с торговлей, рассказывает о предметах ввоза и вывоза, путях сообщения и расстояниях между городами, базарах и морских портах. Его интересуют также цены на товары, деньги, находящиеся в обращении, потребность населения в тех или иных продуктах.

И, наконец, следует отметить еще один важный аспект изучения путешествий Ибн Баттуты — история культуры Востока, прежде всего архитектуры. Интерес к мусульманским святыням побудил его подробно описывать мечети и другие культовые сооружения. Попутно он рассказывает и о дворцах, крепостных стенах и просто жилых зданиях, часто дополняя рассказ сообщениями об общей планировке городов. Эти сведения оказываются полезными при восстановлении облика средневековых городов или отдельных памятников⁴.

Труд Ибн Баттуты в целом представляет громадную ценность для науки прежде всего тем, что рисует правдивые картины городов и стран Востока с их природой, хозяйством, жителями, дает великолепный географический обзор всего доступного ему мира. Книга характеризует также и представления средневекового арабского купца, через призму восприятия которого мы видим эти картины. Ибн Джузайя, несомненно, был прав, заканчивая «Подарок созерцающим...» следующими словами: «Для каждого одаренного мудростью не будет сокрытым то, что шейх этот является путешественником нашего столетия, и не будет преувеличением, если кто скажет, что он — путешественник всего этого общества»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе «При дворе фесского султана»

¹ Ибн ал-Хатиб, Мухаммед Лисан ад-дин (1313—1374) — арабо-испанский ученый, государственный деятель и поэт. В течение ряда лет занимал высокие посты у правителей Гранады и Феса.

² Ибн Халдун, Абд ар-Рахман Абу Зейд ибн Мухаммед (1332—1406) — арабский историк, философ и государственный деятель. Ему принадлежит обширный труд, в котором он излагает свое учение об обществе.

³ Птолемей, Клавдий (II век нашей эры) — знаменитый древнегреческий ученый. Его сочинения сыграли важную роль в развитии географии, астрономии и других наук.

⁴ Ал-Масуди, Абу-ль-Хасан Али ибн Хусейн (конец IX века — 956—957) — арабский географ и путешественник.

⁵ *Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Deffrémery et B. R. Sanguinetti, I—IV. Paris, 1853—1858, I, p. 8. Далее — Voyages.*

⁶ Ибн Джузайя, Мухаммед ибн Мухаммед (ум. в 1356 году) — служил при дворе правителя Гранады, затем — Феса. Сохранилось несколько его литературных произведений. О нем см.: *Brocklmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Leiden, 1942, SB II, S. 366.*

К главе «Нил черных»

¹ Мунго Парк (1771—1806) — шотландский путешественник по Западной Африке, один из первых европейских исследователей Нигера.

² *Mungo Park. Travels in the interior districts of Africa.*

Цит. по: *Р. Хенниг. Неведомые земли. М., 1962, т. 3, стр. 301. Далее — Р. Хенниг.*

³ Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М. — Л., 1965, стр. 422. Ал-Баكري, Абу Убайд Абдаллах (ум. в 1094 году) — арабский ученый. Из его многочисленных сочинений, посвященных различным областям знаний, известны два географических, в которых содержится много ценных сведений о странах Азии и Африки.

⁴ *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du XIII-e au XVIII-e siècles, traduits, revus et annotés par G. Ferrand, II. Paris, 1914, p. 432—433.*

⁵ Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — выдающийся советский востоковед, один из создателей советской школы арабистики. Ему принадлежит ряд трудов по истории арабской географической литературы.

⁶ *И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV. М. — Л., 1957, стр. 411. Далее — И. Ю. Крачковский.*

⁷ См.: *Р. Хенниг, главы 131, 148.*

⁸ Лев Африканец (1492 — после 1550) — арабский путешественник. Побывал во многих странах Северной Африки и Передней Азии, дважды посетил Томбукут. Настоящее имя — Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайнати ал-Фаси. Его «Описание Африки» вплоть до XIX века было основным источником о Северной и Западной Африке.

⁹ *Jean Leon l'Africain. Description de l'Afrique, Nouvelle édition traduite de l'Italien par A. Epaulard, t. II. Paris, 1956, p. 476. Далее — Description.*

¹⁰ Voyages, IV, p. 417—419.

¹¹ Description, II, p. 476.

¹² Voyages, IV, p. 430.

¹³ Дукат — средневековая европейская золотая монета, имевшая в разное время различную стоимость. Во времена Льва Африканца дукат равнялся примерно 10—12 французским франкам.

¹⁴ Voyages, I, p. 393, 421.

¹⁵ Там же, IV, p. 429, 434.

¹⁶ Там же, p. 411—413.

¹⁷ Подробно о функциях дуга см.: Африканский этнографический сборник, V. М. — Л., 1963, стр. 73—74.

К главе «Паломник»

¹ Некоторые исследователи считают датой рождения Ибн Баттуты 25 февраля. У разных авторов приводятся также различные даты его смерти — с 1369 по 1377 год. Последняя дата, которая приведена и у И. Ю. Крачковского, кажется нам наиболее достоверной.

² Полное название книги Ибн Баттуты «Подарок созерцающим о диких городах и чудесах путешествий».

³ Слово «баттута» в переводе с арабского означает «уточка» (диалектальная уменьшительная форма от «батт» — «утка»).

⁴ Voyages, I, p. 12—13.

⁵ Ал-Маарри, Абу-ль-Аль (973—1058) — прославленный арабский поэт-философ. Большую часть жизни провел на своей родине, в Сирии.

⁶ Ибн Джубайр, Мухаммед ибн Ахмед (1145—1217) — арабо-испанский путешественник и писатель. Дневник его путешествия является важным источником по истории Аравии и стран Средиземноморья.

К главе «Города и легенды»

¹ Ал-Кинди, Абу Йусуф Йакуб ибн Исхак (около 800 — около 870) — арабский ученый. Ему принадлежит множество трудов по философии, математике, медицине и другим наукам.

² Йакут (Йакуб) ибн Абдаллах ал-Хамави ар-Руми (1179—1229) — арабский ученый-энциклопедист, автор географического словаря, в который включено описание всех известных в то время арабам стран.

³ См. примечание 2 к этой же главе.

⁴ Ал-Мукаддаси, Шамс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмад (около 946—947 — после 1000) — арабский путешественник и географ.

⁵ Хайям, Омар (1048—1112) — выдающийся таджикско-персидский поэт и ученый. Ему принадлежит целый ряд трудов по различным областям знаний — философии, математике, астрономии и т. д.

К главе «По следам Синдбада-морехода»

¹ Коран, XVII, 68. См. также: В. В. Бартольд. Коран и море. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, XXVI, 1925.

² Подробно об арабских морских плаваниях см.: Т. А. Шумовский. Арабы и море. М., 1964. Далее — Т. А. Шумовский.

³ Камбей (Камбайя) — развалины древнего города, расположенные в пяти километрах от современного Камбея в штате Бомбей, Индия. Тана (Тхана) — город неподалеку от Бомбея. Канлам (Килон) — портовый город в штате Мадрас; был транзитным портом для китайских и арабских судов; угас в XVI веке. Каликут — город в южной Индии; в средние века — крупный порт Малабарского побе-

режья. Каулем — город в Индии. Макджарур (Мангалур) — портовый город на Малабарском побережье. Факанур (Факанаур) — город в Индии. Синдапур — средневековое название города Гоа, расположенного на западном побережье Индии.

⁴ Voyages, II, p. 183.

⁵ Jakut's geographisches Wörterbuch, Bd. IV. Leipzig, 1873, S. 602; Bd. I. Leipzig, 1866, S. 502.

⁶ Voyages, II, p. 191—193.

⁷ The book of Duarte Barbosa. London, v. I, 1918, p. 25. Дуарте Барбоза — португальский путешественник. В начале XVI века посетил Индию, некоторые страны Передней Азии и Восточной Африки. Позже участвовал в экспедиции Магеллана.

⁸ Voyages, II, p. 191.

⁹ Т. А. Шумовский, стр. 79.

¹⁰ Там же, стр. 119.

¹¹ Ал-Истахри, Абу Исхак ал-Фариси (около 850—934) — арабский географ и путешественник. Его «Книга путей государств» сыграла важную роль в развитии арабской географии.

¹² История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, стр. 134.

¹³ Арриан, Флавий (около 92 — вторая половина II века нашей эры) — дневногреческий историк и писатель. Ему принадлежит также несколько географических сочинений. Непарх (ум. около 312 года до нашей эры) — флотоходец Александра Македонского, совершил плавание из Индии в Месопотамию.

¹⁴ Книга Марко Поло. М., 1955, стр. 211. Далее — Марко Поло. Марко Поло (1254—1324) — выдающийся венецианский путешественник. Около 17 лет провел в странах Азии, находясь на службе у правителя Китая. Его книга является важнейшим источником для изучения Центральной, Восточной и Южной Азии.

¹⁵ Афанасий Никитин (ум. около 1473 года) — замечательный русский путешественник. В 1466—1472 годах побывал в странах Ближнего Востока и Индии. Оставил описание своего путешествия, которое содержит ценнейший материал о странах Западной и Южной Азии: «Хождение за три моря Афанасия Никитина». М. — Л., 1958. Далее — Афанасий Никитин. Самарканди, Абд ар-Раззак ас- (1413—1482) — персидский историк. Совершил несколько путешествий в Китай, Индию и страны Передней Азии. Джаафари, Джаафар ибн Мухаммед ибн Хасан — персидский историк XV века.

К главе «Пытливый странник»

¹ См.: А. Л. Якобсон. Крым в средние века. М., 1973.

² Voyages, III, p. 118.

³ См., например: Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, стр. 73.

К главе «Чудеса Индии»

¹ Voyages, III, p. 118.

² Agha Mahdi Husain. Le gouvernement du sultanat de Delhi. Etude critique d'Ibn Battuta et des historiens indiens du 14e siècle. Paris, 1936, p. 89—91.

³ Зия уд-дин Барани. Тарих-и Фируз Шахи. Калькутта, 1861.

⁴ Вартема, Лодовико ди (ум. между 1512 и 1517 годами) — итальянский путешественник, побывавший во многих странах Азии и Африки. Оставил подробное описание своих странствий. — The Travels of Lodovico Varthema. London, 1863.

⁵ Фредерико, Чезаре — венецианский купец. В период между 1568 и 1581 годами побывал в Индии и других странах Азии. — *Nakluyt series (1)*, v. 2. London, 1810.

⁶ *Афанасий Никитин*, стр. 14.

⁷ См.: *К. М. Паниккар*. Очерк истории Индии. М., 1961, стр. 150—151.

⁸ *Voyages*, IV, p. 71.

⁹ Там же, p. 99.

¹⁰ Там же, p. 110.

¹¹ *Nafis Ahmad*. The Arabs' Knowledge of Ceylon. — "Islamic Culture", XIX, 1945, N 3.

¹² Цит. по: *Р. Хенниг*, III, стр. 117.

¹³ *Марко Поло*, стр. 182.

¹⁴ *Афанасий Никитин*, стр. 81—82.

¹⁵ Маабар, или Мабар — арабское название Коромандельского берега Индии.

¹⁶ *Voyages*, IV, p. 166.

К главе «На краю известного мира»

¹ Монтекорвино, Джованни (1247—1328) — итальянский монах. В качестве миссионера побывал в Иране и Индии. С 1293 года жил в Китае. Одороки из Порденоне (около 1274—1331) — итальянский монах. Много путешествовал по странам Азии. В 1321 году посетил Индию, в 1322—1328 годах жил в Китае.

² *H. Yule*. Cathay and way thither. London, 1915, II, p. 520.

³ *И. Ю. Крачковский*, стр. 426.

⁴ *Voyages*, IV, p. 269.

⁵ *Марко Поло*, стр. 166.

⁶ Цит. по: *Р. Хенниг*, III, стр. 188.

⁷ Там же, стр. 145.

⁸ См.: *Я. М. Свет*. По следам путешественников и мореплавателей Востока. М., 1955.

⁹ *Voyages*, IV, p. 269.

¹⁰ *Марко Поло*, стр. 123.

¹¹ *Voyages*, IV, p. 269.

¹² *Марко Поло*, стр. 202—203.

¹³ *Voyages*, IV, p. 269.

¹⁴ *Р. Хенниг*, III, стр. 210.

К главе «Открытие» Ибн Баттуты»

¹ *Voyages*, I, p. 8.

² *Ibn Khaldun*. The Muqaddimah. An introduction to History. New York, 1958, v. I, p. 369. См.: *И. Ю. Крачковский*, стр. 426—427.

³ Этот перевод неоднократно переиздавался на европейских и восточных языках. В настоящей книге текст Ибн Баттуты цитируется по этому изданию.

⁴ *The Travels of Ibn Battuta*. Cambridge, 1958—1971.

⁵ *Cesty po Africe, Asii a Evropě vykonané v letech 1325 až 1334*. Praha, 1961; *Ibn Battuta*. Osobliwosci miast i dziwy podrózy. Warszawa, 1962.

⁶ *В. Г. Тизенгаузен*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I. Извлечения из сочинений арабских. М. — Л., 1941.

⁷ Цит. по: *И. Ю. Крачковский*, стр. 425.

⁸ *Жаклин Пирен*. Открытие Аравии. М., 1970, стр. 7.

⁹ *И. Ю. Крачковский*, стр. 428.

К главе «Соперник Марко Поло»

¹ О путешествиях Марко Поло см.: В. Шкловский. Земли разведчик. М., 1969.

² Р. Хенниг, III, стр. 207.

³ Ananiasz Zajaczkowski. Ibn Battuta i jego dzilo. В кн.: *Ibn Battuta. Osobliwosci miast ...*, s. XIV.

⁴ На описания Ибн Баттутой архитектурных памятников ссылаются и многие другие исследователи. См., например: А. Мец. Мусульманский Ренессанс. М., 1966; Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; Lockhart L. Persian cities. London, 1960.

⁵ Voyages, IV, p. 449.

Содержание

3	При дворе фесского султана
8	«Нил черных»
14	Паломник
24	Города и легенды
30	По следам Синдбада-морехода
38	Пытливый странник
43	Чудеса Индии
53	На краю известного мира
62	«Открытие» Ибн Баттуты
67	Соперник Марко Поло
73	Примечания

Милославский Г. В.

М 60 Ибн Баттута. М., «Мысль», 1974.

78 с. с карт. (Замечат. географы и путешественники).

Более четверти века находился в пути выдающийся арабский путешественник XIV в. Ибн Баттута. За это время он прошел по суше и морю 120 тысяч километров, побывал в странах Ближнего и Среднего Востока, в Кыпчакских степях, в Средней Азии, Индии, Китае, пересек Сахару. О путешествиях Ибн Баттуты, важных в научном отношении и полных приключений, рассказывается в этой популярной книге.

91 (09)

М $\frac{20801-252}{004(01)-74}$ 182-74

МИЛОСЛАВСКИЙ, ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ИБН БАТТУТА

Редактор
Е. И. Белёв

Редактор карт
О. И. Ермакова

Младший редактор
Л. Ю. Артемьева

Художественный редактор
В. А. Масленников

Технический редактор
И. Г. Макарова

Корректор
Т. Н. Левина

Сдано в набор 21 мая 1974 г.
Подписано в печать 2 сентября 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2.
Усл. печатных листов 4,2.
Учетно-издательских листов 4,29.
Тираж 50 000 экз. А-01887. Заказ 1117.
Цена 14 коп.

Издательство «Мысль».
117071, Москва, В-71, Ленинский
проспект, 15
Чеховский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли
г. Чехов Московской области

Цена 14 коп

Издательство
„Мысль“

